

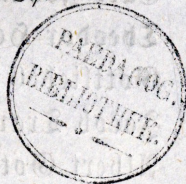

Seine Excellenz der Herr Aurländische Civilgouverneur,
alle hohen Beamten und Autoritäten des Landes und der Stadt,
die hochwürdige Geistlichkeit aller Confessionen, die Eltern
und Verwandten der Schüler des Gymnasiums, so wie alle
Freunde der Wissenschaft werden hiedurch hochachtungsvoll und
ergebenst eingeladen, die öffentliche Prüfung und den feierlichen
Actus im hiesigen Gymnasium mit Ihrer Gegenwart beehren
zu wollen.

Die öffentliche Prüfung wird am Mittwoch den 10ten
December, Vormittags von 8 bis 12 Uhr, gleichzeitig in
allen Klassen stattfinden.

Der Actus wird am Sonntabend den 20sten December
um 11 Uhr Vormittags beginnen mit dem Chorale:

So ströme über, werd' ein Lied,
Und lalle deine Seligkeit,
Bom Staub' entbundenes Gemüth,
Du Erbe frommer Ewigkeit!
Und kehre wieder von den Sternen,
Verkünde, was die Liebe spricht,
Und ziehe wieder in die Fernen:
Denn deine Heimath ist das Licht,
Denn deine Heimath ist das Licht.

Das Herz erbebt, die Seele schwellt,
Und mich umstrahlt des Sohnes Heil;
Dem Auge, wunderbar erhellt,
Wird seltenes Gesicht zu Theil,
Die Gräber wollen nicht mehr schweigen,
Und Geister wehen sich empor,
Und Engel seh' ich froh sich neigen
Und mischen sich in unsern Chor,
Und mischen sich in unsern Chor.

Nach diesem wird der Herr Oberlehrer Pfingsten eine Rede halten: Ueber die häusliche Lectüre.

Darauf werden folgende Schüler reden:

Meyrowicz in russischer Sprache: О Жуковскомъ, Гоголь и Загоскинъ.

Czernay in lateinischer Sprache: De causis praecipuis optimae apud Romanos litterarum conditionis Augusto regnante.

Rudkiewicz in französischer Sprache: Parallele entre Racine et Virgile.

Bistram: Ueber das griechische Drama, besonders die Antigone des Sophokles.

Sodann wird der Gouvernements-Schuldirector Bericht abstatten über die Thätigkeit und die Ereignisse des Gymnasiums im verflossenen Schuljahre und folgende Schüler der Anstalt feierlich mit dem Zeugnisse der Reise entlassen:

Carl Johann Hartwig von Bistram aus Kurland.

Theodor Herrmann Ernst Czernay aus Kurland.

Gottlieb Ernst Rudolph Heidinger aus Mitau.

Jacob Traugott aus Mitau.

Albert Gottfried Eduard Uloth aus Kurland.

Carl Johann Eduard Wieckberg aus Kurland.

Dann wird gesungen:

Wie lieblich ist Deine Wohnung, o Herr,
Meine Seele verlangt nach Dir.
Drückt mich Schmach und Noth,
Sind die Feinde über mir,
Hält mich Schmerz und Leid gefangen,
Ich seh, empor nach Zions Bergen,
Von dorthier kommt mir Hülfe.
Wie lieblich ist Deine Wohnung, o Herr,
Meine Seele verlangt nach Dir, o Herr!

Zum Schluß die Nationalhymne: Боже царя храни!

Die öffentlichen Prüfungen in den übrigen Kronsschulen in Mitau werden stattfinden:

- 1) in der Mitauschen Kreissschule am Sonnabend den 13ten December von 9 bis 12 Uhr;
- 2) in der höhern Töchterschule St. Trinitatis in Mitau am Donnerstag den 11ten December, von 10 bis 1 Uhr;
- 3) in der Dorotheen-Töchterschule am Dienstag den 16ten December, von 9 bis 12 Uhr;
- 4) in der St. Annen-Elementarschule am Mittwoch den 17ten December, Vormittags von 10 bis 12 Uhr;
- 5) in der Armen-Elementarschule am Donnerstag den 18ten December, Vormittags von 9 bis 11 Uhr;
- 6) in der dritten Elementarschule, Donnerstag den 18ten December, Vormittags von 10 bis 12 Uhr;
- 7) in der Römisch-Katholischen Elementarschule, Freitag den 19ten December, Vormittags von 9 bis 11 Uhr;
- 8) in der Alexander-Elementarschule, Freitag den 19ten December, Vormittags von 9 bis 11 Uhr;
- 9) in der St. Trinitatis-Kirchspielschule, Freitag den 19ten December, Vormittags von 9 bis 11 Uhr.

Mitau, den 1sten December 1852.

Kurländischer Gouvernements-Schuldirector:

Staatsrath und Ritter Belago.

ЗАМѢТКИ

КАСАТЕЛЬНО

БѢЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

Учителя Русскаго языка при Дополнительныхъ
классахъ Митавской Гимназіи,
тит. совѣт.

ФЕДОРА ГОЛОТУЗОВА.

ПРОГРАММА

ДЛЯ

публичнаго Акта Митавской Гимназіи.

МИТАВА,

въ типографіи Штеффенгагена и сына.

1852.

ИЗДАНИЕ

КАСАЕТСЯ

ВЪВЕДЕНИЯ

Печатать полагается

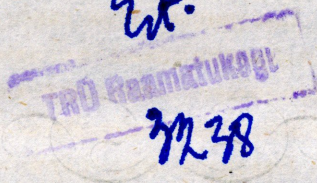
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Дерптскую
Отдѣльную Цензуру узаконенное число экземпляровъ. Г. Дерптъ
21го Октября 1852 года.

(L. S.)
(No. 107.)

Отдѣльный Цензоръ А. де Лакроа.

ПРОТЪ

Ext.

ИЗДАНИЕ

1852

Предъ завоеваніемъ Литвою западныхъ Русскихъ областей, коему начало положено было уже въ половинѣ XIII столѣтія, древнее наше отечество заключалось почти въ тѣхъ же самыхъ рубежахъ, какими обозначались владѣнія его при Ярославѣ Мудромъ. На западъ оно простиралось до верховьевъ Нѣмана и горъ Карпатскихъ, на югъ — до пороговъ Днѣпровскихъ; на востокъ граничило съ устьями Оки и верховьями Хопра; только на сѣверъ и юго-западъ раздвинулись его предѣлы: на сѣверъ — распространіемъ области Новгородской, на юго-западъ — основаніемъ знаменитаго княжества Галицкаго ¹⁾). Внутри этихъ рубежей главнѣйшее народонаселеніе составляли, съ давнихъ временъ, Славянскія поколѣнія, соединенныя Рюрикомъ и его преемниками въ одно гражданское общество, получившее, отъ племяннаго названія своихъ основателей, названіе *Руси*. Христіанская вѣра, принятая Владиміромъ, скрѣпила эти поколѣнія союзомъ духовнымъ, образовавъ изъ нихъ, такимъ образомъ, въ полномъ смыслѣ слова — *одинъ народъ Русскій*. Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, Русскіе приняли также св. писаніе, переведенное уроженцами города Солуны, Кирилломъ и Меѳодіемъ, съ Греческаго языка на одно изъ древнихъ Славянскихъ

¹⁾ Прост. Рус. ист. Устр.; карта къ ней №. II.

нарѣчій, но на какое именно — еще никѣмъ положительно не доказано. Это нарѣчіе, называемое обыкновенно *Церковно-Славянскимъ языкомъ*, было у насъ, уже съ первоначальныхъ временъ, постояннымъ органомъ вѣры и отчасти литературной письменности; его особенно чтили и уважали наши предки не токмо какъ хранилище премудрости Божіей, но и какъ языкъ торжественный, возвышенный, въ который излились сильныя красоты языка Греческаго. Но между тѣмъ какъ Церковно-Славянское нарѣчіе было на Руси языкомъ богослужебнымъ и литературнымъ, въ говорѣ народномъ слышался другой языкъ — Русскій, самобытный, богатый. Имъ говорили въ Полоцкѣ и Кіевѣ, въ Новгородѣ и Смоленскѣ — на всемъ пространствѣ древней Руси ¹⁾; на немъ производилась также и гражданская письменность.

Но можно ли предполагать, чтобъ этотъ народный Русскій языкъ, господствовавшій въ такомъ огромномъ государствѣ, какова была древняя Русь, не подраздѣлялся, уже искони, на нѣсколько нарѣчій? Конечно нельзя уже потому только, что нѣтъ примѣра, чтобы какой-нибудь языкъ, какъ ни малочисленъ народъ, имъ говорящій, не заключалъ въ себѣ большаго или меньшаго числа вѣтвей или отгѣнковъ; самый разительный примѣръ тому представляютъ нѣкоторыя страны сѣверной Америки, обитаемыя дикарями, гдѣ въ каждой долинь, въ каждой деревнѣ слышится если не особенный языкъ, то особое нарѣчіе какого-нибудь языка. Въ составъ древней Руси вошли Кривичи, Поляне, Древляне и другія Славянскія поколѣнія; Лѣтопись говорить, что

¹⁾ Предисл. къ Акад. Словарю 1247.

эти поколѣнія отличались другъ отъ друга нравами¹⁾; но развъ они не могли отличаться также и языкомъ, которьй, принадлежа къ одному и тому же корню, могъ имѣть различныя нарѣчія, оттѣнки, говоры? Конечно, съ соединеніемъ Русскихъ Славянъ подъ одну верховную власть, эти различія языка должны были мало-по-малу сглаживаться, сливаться въ одинъ говоръ; но верховная власть въ древней Руси не всегда сосредоточивалась, уже въ первые вѣка политическаго бытія Русскаго народа, въ одномъ лицѣ, и едва прошло 200 лѣтъ со времени основанія нашего отечества, какъ оно раздробилось окончательно на множество отдѣльных частей, сдѣлавшихся, въ послѣдствіи, другъ отъ друга совершенно независимыми — обстоятельство, сильно способствовавшее разьединенію Русскаго языка и развитію бывшихъ уже его нарѣчій, говоровъ. Впрочемъ все то, что можно сказать о нарѣчіяхъ Русскаго языка въ первые вѣка бытія Руси, должно основываться, за недостаткомъ доказательствъ, больше только на предположеніяхъ²⁾. Письменныхъ памятниковъ стариннаго Русскаго языка изъ тѣхъ вре-

¹⁾ Полянъ Несторъ называетъ *кроткими, тихими*; Древлянъ — *дикими, жестокими* и пр. Ис. Гос. Рос. I, стр. 63.

²⁾ Одни изъ нашихъ ученыхъ почитаютъ нынѣшнія нарѣчія Русскаго языка явленіемъ болѣе или менѣе новымъ; другіе несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Г. Костырь напр., основываясь преимущественно на единовременномъ происхожденіи въ природѣ *родовыхъ* и *видовыхъ* формъ, полагаетъ вообще, что въ одно время съ языкомъ возникли и его различныя нарѣчія. Стало быть, по мнѣнію этого ученаго, нынѣшнія нарѣчія Русскаго языка существовали уже искони, и политическія обстоятельства только оттѣнили ихъ рѣзче одно отъ другаго. См. его »Предметъ, методъ и цѣль филол. изученія Рус. языка.« 2 т. Кіевъ 1848.

мень дошло до насъ весьма немного, а если нѣкоторые и уцѣлѣли, то носятъ на себѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, признаки вліянія языковъ чужестранныхъ на Русскій, — представляютъ, слѣдовательно, Русское старинное Слово не въ такомъ видѣ, какъ оно собственно жило въ говорѣ народа. При подобныхъ обстоятельствахъ, розыскателю больше ничего не остается дѣлать, какъ слѣдить — пока памятники древней письменности различныхъ странъ Россіи не представляютъ нѣсколько самостоятельныхъ оттѣнковъ съ значеніемъ литературнымъ или политическимъ¹⁾ — за ходомъ судьбы Русскаго народа, и на этомъ ходѣ основывать свои предположенія о раздробленіи стариннаго Русскаго языка на нарѣчія. Распаденіе Руси на независимые удѣлы не могло, какъ сказано выше, не послужить къ утвержденію и развитію самостоятельныхъ чертъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ Русскаго языка; но особенно многозначительно было, въ этомъ отношеніи, завоеваніе Литвою западныхъ Русскихъ областей, начавшееся въ половинѣ XIII и окончательно совершившееся въ XIV столѣтіи. Это отторженіе западныхъ Русскихъ областей отъ восточныхъ должно было разъединить, естественнымъ образомъ, старинный Русскій языкъ на двѣ главныя вѣтви: *Восточную* и *Западную*, которыхъ

1) Впрочемъ появленіе нѣсколькихъ оттѣнковъ Русскаго языка съ значеніемъ литературнымъ или политическимъ показываетъ не столько *образованіе*, въ разныхъ странахъ Россіи, особыхъ нарѣчій, сколько *полученіе* уже бывшими нарѣчіями особеннаго направленія, литературнаго или политическаго, вследствие возникновенія самостоятельныхъ политическихъ обществъ.

судьба были такъ же различна, какъ различна была судьба Русскаго народа, населявшаго тѣ или другія страны — восточныя или западныя.

Въ восточной Россіи, съ соединеніемъ отдѣльныхъ княжествъ, подъ державою государей законныхъ, въ одно цѣлое, стало распространяться въ своемъ объемъ, по мѣрѣ расширенія Московскаго княжества, *Московское нарѣчіе*; принимая въ себя другіе оттѣнки Русскаго языка и подчиняя ихъ — на сколько это было возможно — своимъ законамъ, оно достигло наконецъ, подъ именемъ *образованнаго Русскаго языка* или *нарѣчія Великорусскаго*, той высокой степени развитія и самобытности, на которой мы видимъ его въ настоящее время. Напротивъ того, въ западныхъ Русскихъ областяхъ, подпавшихъ подъ власть иноземную, Русскій языкъ, съ утрагою Русскими первобытнаго характера, сталъ терять, мало-по-малу, свою прежнюю чистоту — заимствовать элементы языка чуждаго, которые тѣмъ рѣзче оттѣняли его отъ Московскаго нарѣчія, что послѣднее, съ распространеніемъ въ объемъ, начало принимать направленіе болѣе положительное. Впрочемъ эта гибель для Русской народности и Русскаго языка въ заднѣпровскихъ областяхъ произошла, какъ извѣстно, не отъ Литвы, а отъ Польши — по соединеніи ихъ въ одно государство. Первые Литовско - Русскіе князья (титულъ, придаваемый имъ послѣ завоеванія Литвою Русскихъ областей) оставляли Русскіе законы, обычаи, православную вѣру, неприкосновенными; при нихъ Русскій языкъ былъ по прежнему, въ заднѣпровскихъ областяхъ, господствующимъ: на немъ писались законы, постановленія, выдавались

грамоты и совершалось, большею частію, судо-производство; по-русски говорили также при дворѣ Литовскихъ князей и въ знатнѣйшихъ Русскихъ и Литовскихъ семействахъ исповѣдывавшихъ православную вѣру ¹⁾. Но лишь только Литва соединила свою судьбу съ Польшею (она соединялась съ Польшею и опять отдѣлялась отъ нея нѣсколько разъ, и отъ перваго соединенія до послѣдняго, окончательнаго, прошло почти 200 лѣтъ), — какъ Русскій языкъ началъ, въ заднѣпровскихъ Русскихъ областяхъ, приходить, мало-по-малу, въ упадокъ. Правда, гражданская письменность совершалась тамъ долгое время, большею частію, на Русскомъ языкѣ, и Сигизмундъ III, учреждая, въ 1589 году, Верховный судъ (Трибуналъ) для Русскихъ воеводствъ, обязалъ его производить всѣ дѣла не иначе, какъ на Русскомъ языкѣ; не смотря на то, Русскій языкъ терялъ, все болѣе и болѣе, права языка письменнаго; наконецъ онъ былъ совершенно замѣненъ, въ официальныхъ актахъ, языками Польскимъ, Латинскимъ и отчасти Нѣмецкимъ. Это случилось, какъ надобно полагать, въ концѣ XVII столѣтія. При дворѣ Литовскихъ князей, языкъ Русскій былъ вытѣсненъ Польскимъ уже при сыновьяхъ Сигизмунда I, воспитывавшихся и жившихъ въ Польшѣ ²⁾. Когда же Польское правительство, руководимое Латинскими монахами, подняло, въ заднѣпровскихъ областяхъ, на Русскихъ гоненіе, которое было особенно сильно въ концѣ XVI и въ началѣ

¹⁾ Приложенія къ простр. Рус. исторіи Устрялова, статья II. — О Русскомъ языкѣ Іоан. Могилевск. Ж. М. Н. П. генварь, 1838.

²⁾ О Рус. языкѣ Іоан. Могилев. Ж. М. Н. П. генварь, 1838.

XVII столѣтій, — то знатнѣйшія Русскія семейства, желая избѣгнуть этого гоненія, стали отрекаться отъ своего происхожденія, своей первобытной вѣры, и стыдились языка своихъ предковъ. Русскій языкъ подвергся презрѣнію; его называли *хамовскимъ*, *мужицкимъ*. И не безъ причины: имъ говорили только люди низшихъ, необразованныхъ сословій — *мужики*.

Но сохраняя долгое время, въ заднѣпровскихъ областяхъ, права языка письменнаго, Русскій языкъ не могъ соблюсти своей первобытной чистоты. Уже въ концѣ XIV столѣтія начали входить въ него полонизмы, состоявшіе въ употребленіи польскихъ словъ и грамматическихъ формъ. Доказательствомъ тому служатъ нѣсколько актовъ этого вѣка, написанныхъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ, въ которыхъ нельзя не замѣтить вліянія Польскаго языка на Русскій ¹⁾. Въ актахъ слѣдующихъ вѣковъ, число полонизмовъ увеличилось все болѣе и болѣе, по мѣрѣ распространенія, въ западныхъ Русскихъ областяхъ, Польскаго языка; такъ что тамошній Русскій языкъ сталъ представлять, наконецъ, какую-то странную смѣсь словъ, формъ и оборотовъ польскихъ съ русскими ²⁾. Памятниками такого, болѣе или менѣе полонизмами искаженнаго Русскаго языка, который называютъ также Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, служатъ Литовскіе статуты, Судебникъ Казимира IV, множество различныхъ грамотъ, актовъ и вообще большая часть гражданской письменности Западной или Литовской Россіи.

¹⁾ О степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи. Ст. Лебедева. Сп. 1848.

²⁾ тамъ же.

Мы не имѣемъ, говоря строго, ни одного памятника Церковно-Славянскаго языка въ такомъ видѣ, какъ его приняли наши предки вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою. Это происходитъ отъ того, что Церковно-Славянскій языкъ заимствовалъ, подъ перомъ переписчиковъ церковныхъ книгъ или духовныхъ писателей, которымъ онъ служилъ органомъ, элементы Русскаго народнаго языка, — уклонялся, слѣдовательно, съ теченіемъ времени, отъ своего первообраза — св. писанія Кирилла и Меѳодія. Такимъ образомъ, даже Остромирово Евангеліе, древнѣйшее въ Россіи, и относящееся, по времени, къ 1056 и 1057 годамъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя особенности Русскаго языка, внесенныя въ него переписчикомъ ¹⁾. — Въ Литовско-Русскихъ областяхъ, Церковно-Славянскій языкъ былъ гораздо долѣе свободенъ отъ вліянія языка Польскаго, чѣмъ Русскій языкъ; но наконецъ въ началѣ XVI столѣтія, вскорѣ послѣ отдѣленія Кіевской митрополіи отъ Московской, нѣкто Франциска Скорина, «ученый мужъ въ лекарскихъ наукахъ», родомъ изъ Полоцка, перевелъ почти все книги Ветхаго и Новаго завѣта съ Латинскаго на Церковно-Славянскій языкъ, до того искаженный полонизмами, что, безъ знанія Польскаго языка, этотъ переводъ, мѣстами, трудно понимать. Примѣръ Скорины нашель немало послѣдователей между духовенствомъ западныхъ Русскихъ областей. Больше или меньше искаженный полонизмами Церковно-Славянскій языкъ представляютъ труды Зизанія, Смотрицкаго, Копыстенскаго, Петра Могилы и другихъ духовныхъ писателей XVI и XVII столѣтій.

¹⁾ Ист. Русской литер. Зеленецкаго, стр. 20.

Сочиненія этихъ духовныхъ лицъ и вышеупомянутые памятники гражданской письменности заднѣпровскихъ областей свидѣтельствуютъ только объ искаженіи, подъ владычествомъ Литвы и Польши, *языковъ письменныхъ*, Русскаго и Церковно-Славянскаго, болѣе или менѣе зависящихъ отъ произвола пишущаго, его вкуса и образованія; но само собою разумѣется, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, и *Русскій народный языкъ*, находящійся въ повседневномъ употребленіи людей непросвѣщенныхъ, также долженъ былъ исказиться — потерять свою первобытную чистоту; и до какой степени онъ исказился, покажутъ намъ предлежащія »Замѣтки« о народномъ языкѣ Бѣлоруссіи, которая, подобно другимъ Русскимъ областямъ, нѣсколько столѣтій находилась подъ властію Литвы и Польши.

Подъ именемъ Бѣлоруссіи въ тѣсномъ смыслѣ, понимаютъ у насъ губерніи Могилевскую и Витебскую. Бѣлоруссовъ, населяющихъ эти губерніи и, частью, смежныя съ ними, считается вообще 2,700,000¹⁾. Отъ Великороссіянъ Бѣлоруссы отличаются не только языкомъ, но также и нравами, обычаями и даже тѣлосложеніемъ. Племянное ихъ отличіе явствуетъ, между прочимъ, также изъ того, что Великороссіянъ они называютъ обыкновенно *руськими*, т. е. Русскими; русскіе же солдаты слывуть у нихъ подъ именемъ *москалей*; но себѣ Бѣлоруссы или вовсе не умѣютъ придать племяннаго названія, или обозначаютъ себя, иногда, словомъ *наскій*, т. е. нашъ²⁾. Къ Полякамъ

1) О Реймск. евангеліи. Ж. М. Н. П. Апр. 1848.

2) Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о простомъ, необразованномъ народѣ.

они еще менѣ себя причисляютъ, чѣмъ къ Велико-россіянамъ и Малоруссамъ. Въ характеръ Бѣлоруссовъ не замѣтно той отважной предприимчивости, которая сродна Великороссіянину, и которая побуждаетъ его, для промысла или торговли, пускаться въ отдаленнѣйшія губерніи; имъ не свойственны также живость въ чертахъ и огонь глазъ, столь отличающіе упрямаго Малорусса. Бѣлоруссы болѣе лѣнны, хладнокровны и робки, нежели ихъ прочіе соотечественники — Русскіе; и этотъ характеръ ихъ образовался, безъ сомнѣнія, во время долготѣнаго пребыванія Бѣлоруссіи подѣ властію иноземною — это печать рабства и угнетенія, которыя столь долго тяготѣли надѣ всѣми вообще Русскими землями, находившимися подѣ владычествомъ Рѣчи Посполитой. Слѣды иноземнаго владычества замѣтны также и въ ихъ нравахъ, представляющихъ какую-то странную смѣсь прирожденнаго съ насильно воспринятымъ — русскаго съ польскимъ. Одежда горожанъ была, еще не задолго передъ симъ, польскаго покроя; но въ настоящее время она почти уже совершенно вышла изъ моды, уступивъ мѣсто частію русскому, а частію нѣмецкому платью.

Едва ли можно сомнѣваться, чтобы языкъ Бѣлоруссовъ не отличался сколько-нибудь, уже до завоеванія Бѣлоруссіи Литовцами, отъ языковъ Велико-русскаго и Малорусскаго. Но какъ узнать, въ чемъ состояло это различіе, и какъ опредѣлить вообще старинныя свойства Бѣлорусскаго нарѣчія? За не имѣніемъ данныхъ, это, конечно, не возможно. Дѣло другое нынѣшнее Бѣлорусское нарѣчіе, живой говоръ Бѣлорусскаго народа; но и это послѣднее, кажется, еще не вполне изслѣдовано и не совсѣмъ точно опре-

дѣлено нашими учеными. Такъ одни считаютъ его особенною вѣтвію нарѣчія Сѣвернаго-Русскаго ¹⁾); другіе принимаютъ его за отдѣльный языкъ ²⁾); третьи, наконецъ, думаютъ, что Бѣлорусское и Малорусское нарѣчія — одинъ и тотъ же языкъ, и что подраздѣлять его не согласно съ сущностію дѣла ³⁾). Не менѣе разногласія существуетъ у насъ и объ его названіи. Правда, ему обыкновенно усвоивается названіе *Бѣлорусскаго*; но есть однакожь ученые, которые полагаютъ, что это названіе ошибочно, и что его надобно именовать *Русскимъ*; ⁴⁾ иные придаютъ ему то и другое названіе вмѣстѣ ⁵⁾), или называютъ его также и *Литовско-Русскимъ* ⁶⁾).

Бѣлорусское нарѣчіе обращало на себя уже съ давнихъ временъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, вниманіе нашихъ филологовъ; объ немъ упоминалось въ періодическихъ изданіяхъ, въ разныхъ сочиненіяхъ, иногда впрочемъ только мимоходомъ, при сравненіи съ другими оттѣнками Русскаго языка; слова два-три посвящалось ему и въ нашихъ немногихъ учебникахъ Русской литературы; мы уже имѣемъ также нѣсколько сборниковъ его словъ, пѣсенъ, пословицъ и пр. Замѣчательнѣйшею статьею по этому предмету былъ, въ свое время, «Сокращенный словарь Бѣлорусскаго нарѣчія» К. Калайдовича, помѣщенный въ одномъ изъ номеровъ журнала: «Труды общества любителей словесности», въ настоящее вре-

1) Извѣстія II Отдѣл. Акад. Наукъ, листъ 5, 1852.

2) *Великая Россія* Педежина, энцикл. лекс. IX, 1837.

3) О Русскомъ языкѣ Іоан. Могилев. Ж. М. Н. П. генварь, 1838.

4) Истор. Русс. литер. Зелецкаго, стр. 78.

5) Истор. Русс. литер. Греча.

6) О Русс. языкѣ профес. Максимовича. Ж. М. Н. П. мартъ 1838.

мя больше издаваемого. Въ этомъ «Словарѣ», обратившемъ на Бѣлорусское нарѣчіе особенное вниманіе нашихъ филологовъ, авторъ представилъ образцы Бѣлорусскихъ словъ, особенно любопытныхъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторые изъ нихъ, принадлежа древнему Русскому языку, являются какъ бы обломками старины, сохранившимися въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи. Съ тѣхъ поръ, т. е. со времени выхода «Словаря» К. Камайдовича, Бѣлорусское нарѣчіе приобрѣло особенную филологическую важность, и имъ стали объяснять, хотя и не всегда удачно, темныя мѣста въ памятникахъ старинной Русской письменности; статьи о немъ появлялись, въ нашей литературѣ, все чаще и чаще. Въ нынѣшнемъ году были напечатаны, въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, «Бѣлорусскія пословицы и поговорки» Н. Н. Носовича, изъ которыхъ многія весьма удачно примѣняются къ повседневному случаемъ жизни, хотя и не всѣ исключительно принадлежать, по моему мнѣнію, Бѣлорусскому народу. Не смотря, однакожъ, на всѣ сборники, статьи и замѣтки о Бѣлорусскомъ нарѣчіи, появившіяся въ печати, полной характеристики его никѣмъ еще до сихъ поръ не сдѣлано. Но приступить къ этому труду, въ настоящее время, будетъ, кажется, тѣмъ легче, что, кромѣ изданныхъ матеріаловъ касательно Бѣлорусскаго нарѣчія, печатается уже его словарь протоіереемъ Григоровичемъ, подъ покровительствомъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

Излагая мои «Замѣтки»¹⁾ о Бѣлорусскомъ нарѣчїи, я намѣренъ имѣть въ виду: 1) его простыя звуки; 2) особенность его грамматическихъ формъ, и 3) элементы, изъ которыхъ оно сложилось.

Особенность простыхъ звуковъ Бѣлорусс. нарѣчїя, ихъ превращенїя и замѣненїя однихъ другими заключается преимущественно въ слѣдующемъ:

Звуки *a* и *я*, безъ ударенїя, никогда не переходятъ въ *e*²⁾, какъ это бываетъ въ Великорусскомъ языкѣ; такимъ образомъ въ словахъ: часы, ядро, ячмень и пр. всегда слышится чистый звукъ *a* или *я*.

o, не имѣя надъ собою ударенїя, переходитъ въ звукъ *a*: *мамако*, *дабро*, *парогъ*. Надобно однакожь замѣтить, что въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи этотъ звукъ не есть что-то среднее между *o* и *a*, какъ въ Великорусскомъ Южномъ³⁾, но полное, твердое *a*⁴⁾.

E или *ь*, безъ ударенїя, часто замѣняется звукомъ *я*; напр. *насу́*, *яго́*, *лясы́* (*льса́*), *счасця́* (*счастье*).

Звукомъ *y* замѣняется во многихъ случаяхъ, звукъ *e*: *удова́*, *ура́гъ*, *удругъ*. Преимущественно принадлежитъ сюда предлогъ *въ*, раздѣльный и слитный: *у ха́ць* (*хатъ*), *у дворъ* (*въ дворъ*, *дома*), *удъць* (*вдѣть*).

1) Матерїалы касательно Бѣлорус. нарѣчїя собраны мною, въ 1850 году, на мѣсть.

2) Собственно въ звукъ среднїй между *a* или *я* и *e*.

3) Въ Великорус. Сѣверномъ или Новгородскомъ нарѣчїи *o* всегда произносится за *o*; тоже самое и въ языкѣ Польскомъ.

4) По мнѣнїю профес. Максимовича это твердое *a* составляетъ особенность Бѣлорус. нарѣчїя *издревле*, которою оно отличается отъ окружающихъ его языковъ. См. «О Рус. языкѣ». Ж. М. Н. П. Мартъ, 1838.

Звукъ *в* (собст. сред. между *в* и *у*) заступаетъ, очень часто, мѣсто *л*: *воукъ*, *довгій*, *човенъ* (челнъ, чевнъ — човенъ) ¹⁾.

Звукъ *г* въ Славянскихъ нарѣчійхъ вообще произносится преимущественно какъ латинское *h* или *g*. Бѣлорусскому нарѣчію свойственно только первое (*h*); такимъ образомъ въ словахъ: *голосъ*, *горе*, *разговоръ* и пр. слышится звукъ *h*, но не — *g* ²⁾.

Д передъ мягкими гласными переходитъ, въ Бѣлорусскомъ нарѣчій, въ звукъ *дз*: *дзѣло*, *дзѣвно*, *дзюжій*, *дзернъ* ³⁾.

Звукомъ *ц* замѣняется, передъ мягкими гласными и передъ полугласною *ь*, звукъ *т*: *цѣло* (тѣло), *цяжко*, *читаць* ⁴⁾.

Звукъ *с* въ предлогѣ *съ* (*с*) переходитъ, иногда, въ звукъ *з*; напр. *знова*, *зѣбли*, *змалку* (*съ* раннихъ *лѣтъ*).

Е съ удареніемъ не замѣняется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, звукомъ *ѣ* или *о*; напр. *дешево*, *ѣлка*, *ѣжъ*, *яѣ* (*еѣ*). Сюда принадлежитъ преимущественно второе и третье лице един. чис. наст. времени глаголовъ на *тъ*, *тъ*, *чь*; напр. *нясѣшь*, *вядзѣшь*, *пячѣшь*; *нясѣць*, *вядзѣць*, *пячѣць*. Втор. лице множест. числа

¹⁾ Это свойственно также языкамъ: Малорусскому, народному Польскому, Словацкому и пр.

²⁾ Звукъ *г* (*h*) свойственъ также языкамъ: Малорусскому, Словацкому, Чешскому и пр. Звукъ *г* (*g*) господствуетъ въ языкахъ: Великорусскомъ, Польскомъ, Луж. Нижнемъ и т. д.

³⁾ Звукъ *дз* особенно слышемъ также въ языкѣ Польскомъ; кроме того, въ Вост. Словацкомъ, Лужицкомъ и пр.

⁴⁾ *Т* замѣняется звукомъ *ц* также въ языкахъ Польскомъ, чешскомъ и др.

оканчивается, въ этихъ глаголахъ, на *e* съ удареніемъ, произносимое какъ *iô*: кладзецѣ, нясецѣ, пячецѣ.

Въ нѣкоторыхъ словахъ не выбрасывается, въ косвенныхъ падежахъ, *o* и *e*, и не замѣняется полугласною *ь*; каковы: лобъ, ротъ, ровъ, лень, ледь ¹⁾ и проч.

Гортанные звуки *g*, *k*, *x* переходятъ въ свистящія: *z*, *ç*, *s*, въ слѣдующихъ грамMAT. формахъ:

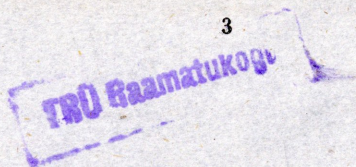
- 1) въ дат. и предл. падежахъ един. числа словъ женскаго рода; на пр. къ нозѣ, въ рѣцѣ, на пласѣ.
- 2) въ предл. падежѣ словъ муж. и средняго рода; напр. на порозѣ, въ молоцѣ, въ усѣ (ухѣ), о горосѣ и пр. ²⁾.

Въ Великорусскомъ языкѣ звуки *g*, *z*, *ж*, *д*, *б*, *в*, оканчивая слогъ, переходятъ въ соответствующіе имъ отзвучные: *k-x*, *s*, *ш*, *т*, *п*, *ф*; такимъ образомъ пишется: врагъ, Богъ, разъ, радъ и. т. п., а произносится: вракъ, Бохъ, расъ, ратъ и. пр. Въ Бѣлорусскомъ же нарѣчій этого перехода въ отзвучные почти вовсе не замѣтно, и звуки *г*, *з*, *ж*, *д*, *б*, *в*, выговариваются, въ концѣ слоговъ, большею частію соответственно ихъ начертанію.

Сюда принадлежатъ также окончанія прилагательныхъ и мѣстоименій въ родительн. падежѣ един. чи-

¹⁾ Подобное встрѣчаемъ также и въ старинномъ Русскомъ языкѣ: «И не бѣ видѣти меду: покры бо ся кровію. И. Г. Р. IV, пр. 21.

²⁾ Переходъ гортанныхъ звуковъ въ свистящія находимъ также въ языкахъ: Церковно-Славянскомъ, Польскомъ, Болгарскомъ и. пр.

сла муж. и сред. рода — *аго, яго, го*, въ которыхъ звукъ *г* не переходитъ въ *в*, но удерживаетъ свое коренное произношеніе.

Слова *кто* и *что* произносятся однакожь: *хто, што*.

Во многихъ словахъ, начинающихся гласною буквою, приставляются, какъ призвуки, согласныя *г, л* и особливо *в*; напр. *гѣтый* (этотъ), *гѣткій* (этакій) *гарбузь*, *лѣдве* (едва), *воко*, *вокно*, *волово*, *воспа*, *вотруби* и пр.

Одна изъ характеристическихъ чертъ Славянскихъ нарѣчій состоитъ въ томъ, что между ними нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы соединялись звуки всѣхъ прочихъ; иногда одно нарѣчіе сходствуетъ съ сосѣдственнымъ ему нарѣчіемъ звуками, которыхъ нѣтъ въ другомъ, ему — по географическому положенію — также близкомъ нарѣчій. Такъ и Бѣлорусское нарѣчіе сходствуетъ, по нѣкоторымъ звукамъ, съ окружающими его языками Великорусскимъ, Малорусскимъ и Польскимъ, но вмѣстѣ отъ нихъ и различается; по звуку *г*, на примѣръ, оно сходно съ языкомъ Малорусскимъ и различается отъ Польскаго и Великорусскаго ¹⁾; по звуку *ц* (изъ *т*) сходно съ языкомъ Польскимъ и разнится отъ Великорусскаго и Малорусскаго; по звуку *а* (изъ *о*) сближается съ языкомъ Великорусскимъ (Южнымъ) и Малорусскимъ и разнится отъ Польскаго. Стало быть оно входитъ,

¹⁾ Исключенія есть вездѣ. Такъ въ Великорус. языкѣ *г* произносится какъ лат. *h* въ словахъ, заимствованныхъ изъ Церк. Славянскаго языка; таковы: *Господь*, *благодать*, *богословіе* и пр. Въ Польскомъ языкѣ къ этому исключенію принадлежатъ слова, принятыя, большею частію, изъ другихъ языковъ; напр. *hultaj*, *hetman*, *handel*.

на основаніи своихъ простыхъ звуковъ, какъ *особенное звѣно* въ общій составъ Славянскихъ нарѣчій, и вотъ *только* въ какомъ отношеніи, его можно, кажется, назвать *отдѣльнымъ языкомъ*. Чтожь касается до устройства внутренняго механизма Бѣлорусскаго нарѣчія — его грамматическихъ родовъ, чисель, временъ, наклоненій и пр., равно какъ и его грамматическихъ формъ, — то оно совершенно сходно съ языкомъ Великорусскимъ. Уклоненія есть только въ грамматическихъ формахъ, и то весьма немногія. Укажу на замѣчательнѣйшія.

Въ имен. падежѣ множ. числа именъ существительныхъ преобладаетъ окончаніе *ы* или *и*; такимъ образомъ *лугъ*, *погребъ*, *лѣсъ*, *рукавъ*, *городъ* и тому подобныя слова муж. рода, кончащіяся въ Великорусскомъ языкѣ ¹⁾, въ им. пад. множ. числа, на *а* или *я*, имѣютъ постоянно, въ этомъ падежѣ, окончаніе *ы* или *и*; Бѣлоруссы говорятъ *лѣсы*, *пѳгребы*, *рукавы*, *луги*, но не — *лѣса*, *погребѣ*, *рукавѣ* и пр.

Слово *сынъ* имѣетъ во множ. числѣ только одну форму: *сыны*, *сыновѣ* и т. д., въ какомъ бы значеніи ни было употреблено. Слова *зять*, *сватъ*, *хозяйинъ*, *шуринъ*, *кумъ*, оканчиваются въ именит. падежѣ множ. числа исключительно на *ы* или *и*, въ родит. на *овѣ* или *ей*: *сваты*, *зяті*, *хозяйины*; *сватовѣ*, *зятей*, *хозяйиновѣ* и т. д.

Существит. средняго рода на *о* и *е* имѣютъ въ имен. падежѣ множест. числа постоянно окончаніе *ы* или *и*; напр. *зѣркалы*, *вѳкны*, *кѳльцы*, *пѳли* и пр.

Звательный падежъ слышится, иногда, съ формою *е*. Вотъ, для примѣра, нѣсколько Бѣлорус-

¹⁾ Для сравненія беру здѣсь Великорусскій образованный языкъ.

скихъ пословицъ, въ которыхъ эта форма употреблена :

»На тобѣ, *небоже* ¹⁾, што мнѣ не гоже.«

»*Куме, куме, дурный вуме!* ходзи за семь миль у пиво.«

А идзѣ привыкѣ, *чорце?* А въ болоцѣ.

»*Языче, языче!* ци лихо цябе мыче; во мнѣ съдзишь, а мнѣ добра не зычишь« ²⁾.

Имена прилагательныя полного окончанія, мужес. рода, употребляются исключительно съ формою *ий* или *ій*, гдѣ бы удареніе ни находилось; напр. *городскій, другій, крутій, кривій* и т. д.; окончанія *ой* вовсе не слышно.

Родит. падеж. единст. числа, женскаго рода, кончается на *ья* или *ія*, но не — на *ой* или *ей*; такъ Бѣлоруссы говорятъ: *у богатья женицины, съ правья руки*, но не — у богатой, съ правой и т. д.

Въ усиленномъ окончаніи именъ прилагательныхъ слышится форма *есенькій*; напр. *бѣлесенькій, желцѣсенькій*.

Мѣстоим. *я, ты, себя* имѣютъ въ винит. падежѣ един. числа формы: *мене, тебе, себе* (въ произнош. *мянѣ, цябѣ, сябѣ*).

Ты и *себя* имѣютъ въ дат. падежѣ един. числа *тобѣ, собѣ* (въ произношеніи *табѣ, сабѣ*).

Имен. падежу мѣстоименія: *онѣ, она, оно*, соотвѣтствуютъ формы: *ёнѣ, яна, оно*. Послѣ предлога

¹⁾ Это слово будетъ пояснено ниже.

²⁾ См. поясненіе этихъ пословицъ въ »Извѣстіяхъ II От. Ак. Н.« 1852. т. I, тетрадь I: »Сбор. Н. Н. Носовича.«

не слышно, въ этихъ мѣстоименіяхъ, призвукъ *н*; Бѣлоруссы говорятъ, напр., я живу у *яго* (его), у *ихъ*; иду къ *яму* (ему), къ *имъ* и пр.

Формамаъ *этотъ*, *а*, *о*; *тотъ*, *та*, *то*, соотвѣтствуютъ: *гетый*, *ая*, *ое*; *тэй*, *тая*, *тое*, измѣняемыя по образцу именъ прилагательныхъ.

Мѣст. какой замѣняется словомъ *якій* ¹⁾, *ая*, *ое*, а *какой-то* — словомъ *нѣйкій*, *ая*, *ое* (нѣкій).

Глаголы въ третьемъ лицѣ един. и множ. числа, настоящ. и будущ. времени, имѣютъ мягкое окончаніе *ть*, въ которомъ звукъ *т*, по свойству произношенія Бѣлорус. нарѣчія, переходитъ въ *ц* ²⁾; говорится напримѣръ: *ёнъ пишець*, *дзгыци кричаць*, *морозы скоро наступяць* и пр.

Глаголы *битъ*, *питъ*, *литъ*, *шитъ*, *витъ* имѣютъ въ повелит. наклоненіи: *бйй*, *пйй*, *лйй*, *шйй*, *вйй*; *шитъ* не измѣняетъ *і* на *ь* и въ настоящ. времени: *шію*, *шіешь*, *шіець* и пр.

1) Также слова *какъ* и *каковъ* употребляются безъ призвукъ *к*: *якъ*, *якъовъ*.

2) Эти формы — остатокъ отъ старины. Известно, что въ памятникахъ древней Славянской и Русской письменности (особливо X и XI столѣтій) трет. лице един. и множ. числа наст. и буд. времени оканчивается обыкновенно на мягкое *ь*. »Блажени есте, егда поносятъ вамъ и изденутъ и рекутъ « а). »Кто дастъ имъ ножъ, ли съкиру, дають скорою противу « б). Такое правописаніе основывалось первоначально, безъ сомнѣнія, на произношеніи. Въ Великоорусскомъ языкѣ сохранилось только нѣсколько старинныхъ формъ съ мягкимъ *ь*: таковы: *естъ*, *суть*, *въсть* (Богъ въсть).

а) Остронір. Еван., Истор. Лит. Греча; образцы Слав. и Рус. языковъ.

б) Лѣт. Нест. И. Г. Р. II, пр. 64.

Глаголы *дать* и *псть* имѣютъ во втор. лицѣ единст. числа, первый — будущего, второй — настоящаго времени, формы: *дасіі, ясіі*.

Но сходствуя, съ Великорусскимъ языкомъ, въ своихъ грамматическихъ формахъ, Бѣлорусское нарѣчіе значительно отличается отъ него своимъ стихійнымъ составомъ, въ которомъ замѣтно присутствіе элементовъ Церковно-Славянскаго языка едва ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Великорусскомъ нарѣчій, и элементовъ языка Польскаго. Подтвержду это примѣрами, начавъ прежде съ словъ языка Церковно-Славянскаго, употребляемыхъ въ Бѣлорусскомъ нарѣчій. Вотъ нѣсколько такихъ словъ :

Великъ день значить въ Церков. Славянск. языкѣ: «Свѣтлое Воскресенье, Пасха.» — «Святїи отцы и братїя, сегодня есть *великъ день*, Христосъ воскресе»¹⁾. — Въ старинныхъ лѣтописяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ Церк. Славянскаго языка, это слово встрѣчается также въ значенїи «Пасха.» — «Тогда по *Велицѣ дни* погорѣ все въ Орѣшкѣ»²⁾. *Великъ дзень, или Великадня*, употребляется, въ томъ же смыслѣ, и въ Бѣлоруссїи; тогда какъ *пасхою* называютъ пшеничный хлѣбъ, приготовляемый къ празднику Св. Христа Воскресенїа. Слово *кушчѣ* совершенно чуждо Бѣлорусскому нарѣчію.

Вѣчеря означаетъ, въ св. писанїи, «ужинъ», «вечерній столъ». — «Егда сотвориши обѣдъ или *вѣчерю*, не зови друзей твоихъ»³⁾ и пр. Оттуда: *вѣчерїати* — «ужинать». — «Мужїе праведнїи да *вѣчеряють*

1) Патер., Сказанїе о чудесахъ въ пещерѣ.

2) Нов. четв. Лѣт., стр. 93.

3) Лук. XIV. 12.

съ тобою» ¹⁾ — Въ Бѣлоруссіи эти оба слова также слышатся въ говорѣ народномъ, только съ перемѣною ударенія: *вечѣря*, *вечѣраць*. Слова же «ужинъ, ужинать» понятны, но не употребительны.

Волна употребляется, въ Церк. Славянс. языкѣ, между прочимъ также въ смыслъ «шерсть». — «И вся жены, имже возлюбися во умъ ихъ, хитростію спрядоша *волну* козю» ²⁾. «Руками же своими по вся дни дѣлаху, отъ *волны* плегуще, и ина ручная дѣла творяще» ³⁾. Это слово употребительно и въ Бѣлорусскомъ нарѣчій, только съ переноскою ударенія на первый слогъ и съ перемѣною буквы *л* на *в* (см. объ этомъ выше). *Прясы* *вовну*, *торговаць вовною*, говорятъ Бѣлоруссы. Впрочемъ слово «шерсть» также употребительно.

Елей (*ἐλαιον*) значить, въ Церк. Слав. языкѣ, «масло добываемое изъ царства растительнаго и употребляемое на освященіе, въ пищу, или при священныхъ обрядахъ». — «Маслу же древяну не сущу къ наліянію кандиль въ той день, помысли строитель церковный отъ *земныхъ съменъ* избити *елея*» ⁴⁾. «Отъ плода пшеницы, вина и *елея* своего умножишася» ⁵⁾. «И да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его *елеемъ*» ⁶⁾. — Въ Бѣлорус. нарѣчій слово *елей*, измѣнившее, въ говорѣ народномъ, начальное *е*

¹⁾ Сирах. IX. 21.

²⁾ Исход. XXV. 26.

³⁾ Пат. Жит. Θεод. Печер.

⁴⁾ *ibid.*

⁵⁾ Псал. IV. 8.

⁶⁾ Іаков. V. 14.

въ о ¹⁾), употребительно только въ смыслъ «масло конопляное»; прочіе же роды масла, получаемые изъ царства растительнаго, имѣютъ тѣ самыя названія, какъ и въ языкъ Великорусскомъ, исключая «масло деревянное», которое называется *оливою*, отъ словъ: *оливъ*, *оливки* — дерева или плоды, доставляющіе деревянное масло.

Гной употребляется, въ св. писаніи, между прочимъ также въ смыслъ «навозъ». — «Господи остави ю (смоковницу) и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ ея, и осыплю *гноемъ*» ²⁾. Оттуда: *гноище*, навозная куча. «Той (Іовъ) сидяше на *гноище* внѣ града» ³⁾. Въ Бѣлоруссіи слово «гной» употребительно также въ значеніи «навозъ»: *возъ гною*, *куча гною*; отсюда: *гнойная земля*, тучная, унавоженная; *гноиць*, *нагноиць* унавоживать, унавозить.

Недѣля означаетъ, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, «воскресенье», тогда какъ седмидневный періодъ времени называется «седмицею». — «Едва въ субботу и въ *недѣлю* мало отъ сочива вкушаху» ⁴⁾. — Въ Русскихъ лѣтописяхъ слово «недѣля» встрѣчается въ томъ и въ другомъ значеніи. «А въ *недѣлю*, тогоже мѣсяца 21, крестъ поцѣлова на вѣчь ко Пскову на суду» ⁵⁾. «Что о всемъ томъ съ ѣзду быти на обѣ *половины* за *двѣ недѣли* по Петровъ дни разговѣся» ⁶⁾.

¹⁾ Между Церк. Слав. словомъ *елей* и Бѣлор. *олей* существуетъ таже самая аналогія, какую видимъ между Цер. Слав. словами: *единъ*, *елень*, *езеро* и пр. и Русскими: *одинъ*, *олень*, *озеро* и. т. д.

²⁾ Лук. VIII. 8.

³⁾ Іовъ II. 8.

⁴⁾ Патер. Житіе Θεод. Перер.

⁵⁾ Псков. 1я Лѣтоп., стр. 246.

⁶⁾ *ibid.*, стр. 247.

Въ Бѣлорус. нарѣчїи слово «недѣля» употребляется также въ обоихъ этихъ значенїяхъ; слово же «воскресенье» рѣдко слышно въ говорѣ народномъ.

Око есть слово Церковно-Славянское, глазъ — Русское. Въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи слышно исключительно слово *око* (воко), между тѣмъ какъ «глазъ» почти вовсе не употребляется.

«Воронъ ворону вока не клюецъ.»

«Ци воци драць, коли не кому браць»¹⁾.

Даже въ поговоркахъ и реченїяхъ, общихъ Бѣлорусскому нарѣчїю съ Великорусскимъ языкомъ, слово «глазъ» замѣняется всегда словомъ «око». «Такъ тѣмно, что хоць воко выколи». «Вочамъ своимъ не вѣритца».

Сѣльта. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ слово «лѣто», кромѣ известнаго времени года, означаетъ также «годъ». «И бысть въ *лѣто* третїе Осїи сына Илы царя Израелева, воцарися Езекиа»²⁾. Тоже самое находимъ и въ Русскихъ лѣтописяхъ. «Въ лѣто 6934 преставися В. К. Иванъ Тферскїй»³⁾. Въ Великорусскомъ языкѣ слово лѣто также употребляется въ смыслѣ «годъ», но только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. послѣ словъ *сколько, столько, много*; послѣ числитель. *пять, шесть* и т. д.; въ словахъ сложныхъ: *столѣтїе, малолѣтнїй* и пр.); въ другихъ случаяхъ его замѣняетъ слово «годъ». — Въ Великорусскомъ языкѣ, нѣкоторыя слова, означающїя время, ставятся, на вопросъ *когда*, въ родительномъ падежѣ; такъ, на примѣръ, говорится: *такого-то*

¹⁾ Бѣлорус. пословицы. Последнюю говорятъ дѣвѣны въ отвѣтъ, когда ихъ спрашиваютъ: почему онъ не выходитъ за мужъ?

²⁾ Царст. XVIII. 1.

³⁾ И. Г. Р. V, пр. 258.

года, мѣсяца, числа; сегодня, третьяго дня; но въ памятникахъ Славянской и старинной Русской письменности *эта форма* встрѣчается гораздо чаще. Вотъ нѣсколько примѣровъ. »Того жь мѣсяца съдѣяся тако наущеніемъ дѣволимъ: челоувѣкъ нѣкій« и пр. ¹⁾ »Тое же осени Сент. приде изъ Орды Княжь Михайловъ Киличей« ²⁾. »Того же дни въ лютую ту брань бысть громъ великъ и молніе блистаніе« ³⁾.

Въ Бѣлорус. словѣ »сельта« (сего лѣта), означающемъ: »въ нынѣшнемъ, текущемъ году«, сохранилось какъ старинное употребленіе род. падежа на вопросъ *когда*, такъ и значеніе Церков. Славянскаго слова »лѣто« въ значеніи »годъ«.

Скакать употребляется, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, въ смыслѣ *плясать, танцовать*. »И вида (Мелхола) Царя Давида скачуща и играюща предъ Господемъ, и уничижи его въ сердце своемъ« ⁴⁾. Въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи это слово также употребляется въ смыслѣ »плясать«, тогда какъ словъ »плясать«, »танцовать« въ говорѣ народномъ не слышно.

Смѣтіе означаетъ, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, между прочимъ также »сорь«. »Аще бы ми сметіемъ валятися въ Печерскомъ монастыри« ⁵⁾. Это слово (въ произношенїи: сметцѣ) принадлежитъ также Бѣлорусскому нарѣчїю, между тѣмъ какъ слово »сорь« не употребительно. Въмѣсто »запорсить« (глаза) Бѣлоруссы говорятъ: »запорошїть«.

¹⁾ И. Г. Р. V, пр. 219.

²⁾ *ibidem* V, пр. 125.

³⁾ *ibidem* V, пр. 219.

⁴⁾ Царст. VI, 16.

⁵⁾ Посл. Симона къ Поликарпу. И. Г. Р. III., пр. 171.

Теля, порося, жеребя и тому подобныя слова на *а* или *я*, означающія молодыхъ животныхъ, принадлежатъ Церковно-Славянскому языку, попадаютъ также и въ Русскихъ лѣтописяхъ. »Идоста же и обрѣтоша *жеребя* привязано при дверѣхъ внѣ на распутьи«¹⁾. »Родила (во Псковѣ) корова *теля* о двухъ головахъ«²⁾. Исключая »дита«, эти слова приняли, въ Великорусскомъ языкѣ, окончаніе *енокъ* или *онокъ*, удержавъ, однакожъ, во множ. числѣ, форму Церковно-Славянскаго языка: *ята* или *ата*. Но въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи они все еще употребительны съ старинною формою, особенно же въ пословицахъ.

»Не мѣла баба хлопуту, купила *порося*«³⁾.

»Богъ не *целя* видзиць круцеля (плута)«.

»Не нашему *целяци*, вовка поймаци«⁴⁾.

Слова *течь, утекать, утечь* означаютъ, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, между прочимъ также: *бѣжать, убѣгать, убѣжать*. — Что будетъ, аще и азъ *теку* въ слѣдъ Хусія«⁵⁾ — »И останокъ людей, и оставшихъ во градъ, и убѣгшыя, яже *утекоша* къ Царю Вавилонску«⁶⁾. Въ памятникахъ старинной Русской письменности находимъ тоже самое. — »И едва *утекоша* отъ нихъ во Псковъ здорово«⁷⁾. — Вмалъ Тагай *утече* въ Наручадъ«⁸⁾. Въ Бѣлорусскомъ на-

¹⁾ Лук. II, 14.

²⁾ Пск. 1я Лѣт., стр. 322.

³⁾ т. е. »не мѣли печали, черти накачали«.

⁴⁾ Сомнѣніе въ успѣхъ какого-нибудь дѣла, основанное на личности предпринимателя это дѣло.

⁵⁾ Царст. XVIII, 22.

⁶⁾ Іерем. XXXIX, 9.

⁷⁾ Псков. 1я Лѣт., стр. 323.

⁸⁾ Новг. 4я Лѣт., стр. 65.

рѣчи *эти слова* гораздо употребительнѣе, чѣмъ со-
ответствующія имъ: *бѣжати, убѣгати, убѣжати*.

»Уцекáй отъ пьянаго, полы́ урѣзавши«.

Уцекъ, не уцекъ, а побѣжащъ вольно¹⁾).

Находя въ Бѣлорусскомъ нарѣчii элементы Цер-
ковно-Славянскаго языка *въ такой мѣрѣ*²⁾), невольно
спрашиваешь: какимъ образомъ зашли они въ это на-
рѣчiе? Известно, что Церковно-Славянскiй языкъ,
съ самаго введенiя христіанства въ Россii, будучи
органомъ вѣры и отчасти литературной письменности,
имѣлъ на Русскiй языкъ сильное вліяніе, особенно же
на стихійный его составъ. Но какъ это вліяніе не
ограничивалось, уже съ первыхъ временъ, одною
какою-нибудь страной, а было повсемѣстно, какъ
повсемѣстна была въ государствѣ христіанская вѣра
Греческаго закона; то можно ли предполагать, чтобъ
въ языкъ нынѣшней Бѣлоруссii, которой обитатели
исповѣдывали издревле одну и ту же христіанскую
вѣру и составляли, вмѣстѣ съ прочими Русскими,
одно гражданское общество, это вліяніе обнаружилось
сильнѣе, чѣмъ въ языкъ другихъ странъ Россii? Ко-
нечно нельзя. Отторженіе Бѣлоруссii отъ Великой
Россii также нисколько не могло послужить къ уси-
ленію вліянія Церковно-Славянскаго языка на Бѣло-
русскiй; напротивъ того, оно скорѣе должно было
ослабить это вліяніе, когда самъ Церковно-Славян-

¹⁾ Бѣлорус. поговорки.

²⁾ Припомнимъ, что нѣкоторыя изъ выше означенныхъ свойствъ
Бѣлорус. нарѣчiя, какъ напр. перемѣна гортанныхъ на сви-
тящiя; *дали́е*: родит. пад. ед. числа жен. рода именъ при-
лагательныхъ на *я* или *я*л; формы: *сыны, новъ; бiй, лiй,*
пiй; даси, яси и т. д. могутъ назваться, если угодно, также
Церковно-Славянскими.

скій языкъ потерялъ, въ Русскихъ западныхъ областяхъ, свою прежнюю чистоту, сильно смѣшавшись съ языкомъ Польскимъ. Слѣдовательно, это присутствіе элементовъ Церковно-Славянскаго языка въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи надобно объяснять другимъ образомъ. По моему мнѣнію, Русскій языкъ заключалъ въ себѣ въ старину гораздо болѣе элементаровъ Церковно-Славянскаго языка, нежели въ настоящее время ¹⁾; но когда Великорусское нарѣчіе, съ развитіемъ внутреннихъ силъ Русскаго народа, стало принимать болѣе самостоятельный характеръ, то многія формы и слова, зашедшія въ него изъ Церковно-Славянскаго языка, должны были замѣниться другими, возникшими въ говоръ народа; Бѣлорусское же нарѣчіе, по отторженіи Бѣлоруссїи отъ Великой Россїи,

¹⁾ Если примемъ въ соображеніе, что у насъ въ старину почти вся образованность ограничивалась изученіемъ церковныхъ книгъ, и что наши предки писали *по-славянски* не только о вещахъ, касающихся вѣры, но и о предметахъ житейскихъ, повседневныхъ, — то можно предположить, что въ старину должно быть было, въ Русскомъ языкѣ, гораздо болѣе словъ и оборотовъ Церковно-Славянскаго языка, нежели теперь. Не надобно также выпускать изъ виду и того, что чѣмъ глубже въ древность, тѣмъ болѣе сходства между этими языками, какъ происходящими изъ одного и того же корня; у насъ были даже такіе ученые, которые видѣли въ Церковно-Славянскомъ языкѣ древне-Русское нарѣчіе, т. е. смотрѣли на него какъ на корень, изъ котораго образовался нынѣшній Русскій языкъ. Такъ думали впрочемъ, какъ видно изъ лѣтописей, и наши предки (см. «Ис. Рус. Слов.» профес. Шевырева, лекція V). Можетъ однакожь статься, что Бѣлорусское нарѣчіе, уже до завоеванія Бѣлоруссїи Литовцами, заключало въ себѣ болѣе или менѣе словъ и формъ, которыми оно сродствовало съ Церк. Слав. языкомъ, и которыхъ не было въ языкѣ обитателей другихъ странъ Россїи, что и могло саставлять одну изъ отличительныхъ чертъ его древняго характера.

подверглось влиянію языка Польскаго, которое хотя и не было такъ велико, чтобъ могло совершенно уничтожить его отличительный характеръ, но зато остановило Бѣлорусское нарѣчіе въ самостоятельномъ его развитіи, не давъ ему примкнуть къ нарѣчію Велико-русскому. При такихъ обстоятельствахъ, въ Бѣлорусскомъ нарѣчій должно было остаться многое, что уже давно исчезло изъ языка Великорусскаго; и вотъ почему, кажется, мы находимъ въ немъ многія слова и отчасти формы Церковно-Славянскаго языка, которыя попадаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, также и въ памятникахъ старинной Русской письменности, но которыхъ нѣтъ больше уже въ говоръ всего Русскаго народа. Этимъ объясняются также и остатки стариннаго Русскаго языка, находящіеся въ Бѣлорусскомъ нарѣчій.

Въ памятникахъ старинной Русской письменности встрѣчаются слова: *стягъ, борзо, корзно, вежа, скоро, статокъ, мѣзиній, порты* (въ смыслѣ «одежда») и многія другія, принадлежащія древнему Русскому языку. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ совершенно исчезли изъ нынѣшняго Великорусскаго нарѣчій, бывъ замѣнены другими, образовавшимися въ говоръ народа; отъ другихъ остались только производныя, тогда какъ ихъ первообразныя больше не употребительны. Такимъ образомъ слова: *стягъ, корзно, вежа* замѣнились имъ равносильными: *знамя, плащъ, башня*; отъ словъ *скора, мѣзиній, порты, статокъ* образовались: *скорнякъ, мизинецъ, портной, достатокъ, недостатокъ* и т. д. Но въ Бѣлорусскомъ нарѣчій, словъ, принадлежащихъ старинному Русскому языку, встрѣчается довольно много. Правда, иныя изъ нихъ измѣнили нѣсколько свою первобытную форму, но значеніе ихъ вообще осталось старинное. Вотъ нѣсколько

словъ древняго Русскаго языка, употребляющихся въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи.

Брана означаетъ, въ памятникахъ стариннаго Русскаго языка «ворота». — «Благослови и крестъ . . . водрузи, недалече нынѣшней *браны*» ¹⁾. — Въ Бѣлоруссїи «брамою» называются «городскїя ворота», «застава». *Брама Быховская, Чаусовская, Шкловская* (въ Могилевѣ). Во всѣхъ другихъ случаяхъ Бѣлоруссы употребляютъ слово «вороты».

Веселе, радость. Такъ называлась въ старину «свадьба», свадебная пирушка». — «И бысть въ Пинску, у тещи своей и у шюрѣи своей; тогда бо бяше *веселье* Ярополче» ²⁾. «Въ тыя же дни *веселье* бысть у Василька въ Володимери, нача отдавати дѣщерь свою Ольгу за Андрея Князя» ³⁾. «А какъ у него (Царя) будетъ *радость* . . . и въ томъ свадебномъ дѣлѣ учинится помѣшка . . .» ⁴⁾. Въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи удержалось только слово «веселье», употребляемое въ смыслѣ «свадьба»; слова же «свадьба» въ говорѣ народномъ не слышно.

Гребля. Этимъ словомъ называется, въ памятникахъ старинной Русской письменности, «ровъ» и также «земляная насыпь», «плотина». — «Прусїи (жители Прусской улицы въ Новгородѣ убиша Овстрата и сына его Луготу и ввергоша его мертва въ *греблю*» ⁵⁾. «Данилъ же устремился на ня и грады ихъ огневи предасть и *гребля* ихъ раскопа» ⁶⁾. Въ Бѣлорус. нарѣчїи

¹⁾ Пол. Соб. Русс. Лѣт. II, 251 (Акад. Слов.)

²⁾ И. Г. Р. III, пр. 74.

³⁾ И. Г. Р. IV, пр. 102.

⁴⁾ О Росс. Коших. 5. (Акад. Слов.)

⁵⁾ Новгород. 4я. Лѣт., стр. 20.

⁶⁾ И. Г. Р. IV, пр. 20.

слово «гребля» встрѣчается только въ значеніи —
«плотина.»

Груда, грудной, слова стариннаго Русскаго языка, по моему мнѣнію, не вполне поняты и не совсемъ точно опредѣлены нашими учеными. — Въ Ист. Гос. Рос., том. II, прим. 182, читаемъ слова Лѣтописи: «Пойдоша съ нимъ (съ Василькомъ) вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути: бѣ бо тогда мѣсяць Грудень, рекше Ноябрь.» Въ этомъ мѣстѣ Лѣтописи, слова: по грудну пути Карамзинъ дополняетъ поясненіемъ: «т. е. по снѣгу», а въ томъ I, примѣч. 159 говоритъ, что «зимняя дорога называлась въ старину груднымъ путемъ»; въ примѣчаніи же 182 Пго тома, къ слову на колѣхъ прибавляетъ: на колѣсахъ», т. е. на телѣгъ, дровняхъ. И такъ, по Карамзину, слово *грудной путь* означало въ старину: «зимняя дорога», и Василька повезли по этой зимней дорогѣ — на телѣгъ! Несобразность очевидна. Акад. Слов. Церк. и Рус. языка, 1847 года, слова *груда* и *грудной* объясняетъ совсемъ иначе. «Грудной, ая, ое, стар. Свойственный грудъ въ 3 значеніи». Какое же есть 3 значеніе слова «груда»? — «Распутица». И для поясненія этого значенія, приведено, въ Акад. Словарѣ, мѣсто изъ III тома Акт. Арх. Экс., 385: «Дождався самыхъ осеннихъ большихъ грязей и груды, шли отъ Вязьмы къ Дорогобужу, потомужъ мѣшкотно». Следовательно, если слово *груда* означало въ старину, по Акад. Словарю, «распутица», то *груднымъ путемъ* называлась грязная и, потому, неудобопроходимая дорога. Но по моему мнѣнію, опредѣленіе словъ *груда* и *грудной* въ Акад. Словарѣ также не совсемъ основательно. Точное значеніе этихъ словъ находимъ въ Бѣлорус. нарѣчій, гдѣ они употребляются и по сіе время, и гдѣ означаютъ:

«грязь по дорогамъ, затвердѣвшая отъ мороза». Известно, что въ глубокую осень, или въ началѣ зимы, часто случается, что, послѣ сильныхъ дождей и происшедшей отъ того глубокой грязи, вдругъ наступаетъ морозъ, и грязь замерзаетъ: тогда, какъ говорятъ Бѣлоруссы, «дзѣлаетца груды», по которой ходить и ѣздить «грудно», т. е. тряско, неудобно. По такой-то неудобной дорогѣ везли на колѣхъ больного Василька, на что Лѣтопись, говоря: «а по грудну пути», особенно указываетъ; эта-то дорога была причиною того, что «изъ Вязьмы къ Дорогобужу шли мѣшкотно.» Если же шли среди *большихъ грязей и груды*, то это нисколько не говоритъ противу выше сказаннаго мною значенія слова «груды». Припомнимъ, что въ глубокую осень, пока не установится зима, переходы отъ морозовъ къ теплу и, слѣдовательно, *отъ груды къ грязи* весьма часты, и что если морозъ не великъ, то грязь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея немного, совершенно твердѣетъ, тогда какъ на глубокихъ мѣстахъ она проваливается и сильно затрудняетъ ѣзду. Въ Польскомъ языкѣ слово *груды* также употребительно въ значеніи «затвердѣвшая отъ мороза грязь». Въ доказательство приведу опредѣленіе слова «груды» изъ Słown. Pol. franc. Berl. księg. Behr. *Gruda*, у. boue des chemins durcie par le froid. **Ostatni mróz grudy narobił**, le dernier froid a rendu les chemins bien âpres ¹⁾).

Кола, pl. tant, слово, встрѣчающееся въ памятникахъ старинной Русской письменности въ значеніи:

¹⁾ Полевой зналъ истинное значеніе слова *грудный* въ Русскихъ лѣтописяхъ. Въ своей «Исторіи Русскаго народа», т. II, пр. 124, приводя древнѣйшія названія мѣсяцевъ по-славянски, онъ говоритъ: «Ноябрь, Грудень (замораживающій землю; отъ сего: «путь грудный» — колотъ, когда земля замерзла, но еще снѣгу нѣтъ)».....

»простая телѣга, дроги, дровни«. »И ту обрѣтоша мужа стояща съ *колы*, и возложима и на *кола*, везоша и на Подолье¹⁾. »А который Волочанинъ вкладываетъ товаръ Нѣмечный или Смоленскій на *кола* своя черезъ Волокъ везти«²⁾. Въ Бѣлоруссіи словомъ *колёсы* (стало быть нѣсколько измѣнившимъ свою старинную форму) называется также »простая телѣга, дровни.«

»Баба съ колёсъ, калёсамъ легче«³⁾.

Колёда или *коляда*. Такъ называется, какъ извѣстно, богъ торжествъ и мира, котораго нѣкогда почитали Славяне, и въ честь котораго, во времена дохристіанскія, были учреждены празднества, совершавшіяся зимою. Со введенія христіанства между Славянами, почитаніе идоловъ прекратилось, но имена ложныхъ боговъ долго сохранялись въ говорѣ народномъ, и народъ, признавая уже единого Бога, называлъ иногда празднества Церкви христіанской именами празднествъ языческихъ, или даже совершалъ самые обряды язычества, часто самъ не будучи въ состояніи дать себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Прошли столѣтія со времени водворенія христіанской вѣры въ Россіи, но старинные языческіе обычаи все еще не могли вывестись изъ жизни Русскаго народа. Такъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, заботившійся о доброй нравственности своихъ подданныхъ, почелъ даже необходимымъ издать указъ, въ которомъ приказывалось, »что бы . . . на игрыща мірскіе люди не сходились . . . и *колёды* и овсеня и плуги не кликали«⁴⁾.

1) И. Г. Р. II, пр. 308.

2) И. Г. Р. III, пр. 248.

3) Бѣлорус. поговорка. По-русски: »Была бы честь приложена, а отъ убытку богъ избавить«.

4) Акт. истор. III, №. 92.

Тоже самое сдѣлалъ и Царь Алексѣй Михайловичъ. «Вѣдомо намъ учинилось, что на Москвѣ на передь сего . . . въ навечеріи Рождества Христова, кликали многіе люди *коледу*» ¹⁾. Въ Бѣлоруссіи, простой народъ и по сіе время Рождественскіе праздники не иначе называетъ, какъ *кал'дами*; и дѣлаетъ онъ это безсознательно, вовсе не подозревая, какимъ именемъ называетъ праздники Церкви христіанской. — Замѣчательно также, что Бѣлоруссы, вмѣсто: «ударилъ молнія», «ударилъ громъ», говорятъ обыкновенно: «ударилъ *перунъ*», «*перуномъ* убило такого-то», какъ бы знаменуя тѣмъ свое происхожденіе отъ тѣхъ Славянъ, которые вѣрили въ могущество бога Перуна, бросающаго, по ихъ мнѣнію, громовыя стрѣлы на землю. Словомъ же «*молонья*» ²⁾ («въ произнош. *молоння*») Бѣлоруссы называютъ такого рода молнію, которая, не будучи сопровождаема громомъ, блистаетъ иногда по вечерамъ, въ теплые лѣтніе дни, на отдаленномъ горизонтѣ.

Льзти означаетъ, въ старинныхъ памятникахъ Русской письменности, между прочимъ также: «итти», «приходить», «входить», «уходить», «выходить», «Послаша во градъ ко брату Сватославу, глаголюще: не морись голодомъ съ дружиною, и людей не мори, но льзи къ намъ» ³⁾. «А которыи будутъ покупили, а тѣмъ льзти вонъ (изъ земель Луховскихъ)» ⁴⁾. Въ Бѣлорус. нарѣчій слово *льзиць* также употребительно въ выше приведенныхъ значеніяхъ.

¹⁾ Указъ Ц. Алек. Мих. 1648 года, дек. 24 (Акад. Слов. 1847).

²⁾ Эта форма встрѣчается и въ летописяхъ. «Того же лѣта быша громове страшни . . . и *молонья* многа, и много людіи громъ побилъ. И. Г. Р. IV, пр. 172.

³⁾ Нест. по Радз. списку, 280 (Акад. Слов. 1847).

⁴⁾ Акт. Арх. Экс. II, №. 9.

Мостъ. Этимъ словомъ назывался въ старину «поль» въ избахъ, палатахъ и пр. «А палаты и хоромы всѣ безъ кровель, и мостовъ въ нихъ и лавокъ, и дверей и окончинъ нѣтъ»¹⁾. Въ Бѣлоруссiи слово «мость» и по сіе время употребительно въ смыслѣ «поль» въ избѣ, тогда какъ «поломъ» (обыннов. «полкомъ») называется только «поль» въ банѣ.

Небогій означаетъ, въ памятникахъ старинной Русск. письменности, «бѣдный», «несчастный». «Солнце померче, и бы аки въ пять ноцій мѣсяць, и опять наполнися, и ради быхомъ *небози*»²⁾. Въ Бѣлорусскомъ нарѣчiи это слово также встрѣчается, только съ нѣскольکو измѣненною формою. Подъ словомъ «небога» Бѣлоруссы понимаютъ «бѣдняка, труженика» и придаютъ его лицамъ муж. и женскаго пола.

Оксамитъ. Такъ назывался въ старину «бархатъ». «Ты нынѣ въ *оксамитъ* стоиши, а Князь лежитъ нагъ»³⁾. Въ Бѣлоруссiи это слово и понынѣ слышится въ говорѣ народномъ; впрочемъ слово «бархатъ» также употребительно.

Отарица — старинное слово, встрѣчающееся въ Русской Правдѣ, гдѣ въ статьѣ о закушѣ сказано⁴⁾: «Аже господинъ преобидитъ закоупа, а увѣдитъ вражду его (въ иныхъ спискахъ: «увредить цѣну его», или: «уведеть кову его»), или *отарицу*, то то ему воротити» и пр. То есть: если господинъ, хозяинъ, обидитъ своего работника: удержитъ его жалованье

1) Дворц. Раз. прил. №. 50. Обзоръ. царст. Мих. Θεод. профес. Соловьева. Современ. 1852 №. I. См. также: Дом. бытъ Рус. цар. Заб. Отеч. Запис. 1851, №. 9.

2) Нов. Лѣт. Ист. Рус. народа III, пр. 328.

3) Ист. Гос. Рос. III, пр. 23.

4) Рус. Правда, изд. 1799 года.

или его отарицу, то онъ долженъ ему возвратить и т. д. Слово «отарица» объясняли многіе различно; но никто, сколько мнѣ извѣстно, не понялъ настоящаго его значенія. Издатели Русской Правды 1799 года подъ именемъ отарицы разумѣли *отсыпной хлѣбъ*, который работникъ, сверхъ денежной платы, получалъ на свою пищу. Карамзинъ думалъ, что отарицею называли въ старину *жалованье земледѣльца* ¹⁾. Діевъ въ своей статьѣ: «Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ Русской Правды» ²⁾, полагаетъ, что слово отарица означало *скотъ работника*, при чемъ основывается на томъ, что въ Бѣлоруссіи отарщиками доселѣ называютъ тѣхъ, которые пригоняютъ, изъ отдаленныхъ странъ, стада степныхъ лошадей (обстоятельство мнѣ вовсе неизвѣстное!). Полевой, въ своей «Исторіи Русскаго народа», выше приведенное мѣсто Русской Правды перевелъ такъ: «Кто обидитъ закупа *въ его участкѣ*, или жалованъ, тотъ долженъ» и пр. ³⁾; стало быть, по его мнѣнію, отарицею назывался въ старину *участокъ работника*. Что же касается до Академ. Словаря Церк. Слав. и Рус. языка 1847 года, то въ немъ, не извѣстно по какимъ причинамъ, слово «отарица» совершенно пропущено. Но между тѣмъ это слово, столь непонятное нынѣшнимъ Великоруссамъ, и возбуждающее, о своемъ значеніи, такія разнородныя мнѣнія, вполне вразумительно Бѣлоруссамъ, въ языкѣ которыхъ вообще много остатковъ отъ старины. Тамъ оно имѣетъ то самое значеніе, которое ему придаетъ Полевой; впрочемъ, переводя слово «отарица» словами «участокъ работника», мы должны его нѣ-

¹⁾ И. Г. Р. II, пр. 94; текстъ Исторіи, стр. 55.

²⁾ Ж. М. Н. П. Май, 1839.

³⁾ Истор. Рус. народа, II, стр. 179.

сколько пояснить, безъ чего оно будетъ все-таки не вполне понятно. Въ Бѣлоруссiи есть обыкновенiе, что работникъ, нанимаясь у хозяина, — положимъ напр. у содержателя кожевеннаго завода, — кромѣ опредѣленной платы деньгами, выговариваетъ себѣ также право выдѣлывать, вмѣстѣ съ шкурами хозяина, известное количество своихъ собственныхъ шкуръ, при чемъ матеріалы для выдѣлки бываютъ хозяйскіе и съ работника за нихъ ничего не берется. Выдѣланныя такимъ образомъ шкуры работникъ продаетъ, и барышъ, съ нихъ получаемый, принадлежитъ ему: — эти-то шкуры называются *его отарицею*. Если работникъ-земледѣлецъ, кромѣ платы деньгами, получаетъ у хозяина также позволенiе обрабатывать, хозяйскими средствами, известный участокъ хозяйской земли, который засѣваетъ своимъ собственнымъ хлѣбомъ, то полученный имъ съ такого участка хлѣбъ будетъ *его отарица*, и т. д., и т. д. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ Русской Правдѣ говорится объ изъясненной мною отарицѣ, которую легко можетъ присвоить себѣ несправедливый хозяинъ ¹⁾).

Стрѣха означаетъ, въ старинныхъ памятникахъ Русскаго языка, «крыша», «кровля». «Голуби же и воробьева полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, воробьева же подъ *стрѣхи*; и тако възгарахуса» ²⁾).

¹⁾ Изъясняя это слово, не могу не привести весьма справедливаго замѣчанiя г. Булгарина: Въ одной только Бѣлоруссiи сохранились до сихъ поръ, подъ спудомъ тяжелаго невѣжества, древнiе обычаи Русскіе, или Славянскіе, временъ Ярославовыхъ и Несторовыхъ. Въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ, въ поговоркахъ крестьянъ Бѣлорусскихъ проглядываютъ Славянское язычество и древняя Русь, а въ обычаяхъ *Русская Правда* Ярославова. (Хрес. Свят. II, «Бѣлоруссы»).

²⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 25.

Въ Бѣлоруссіи это слово употребительно только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, относящихся къ кровлѣ; такъ Бѣлоруссы говорятъ напримѣръ: *каплець со стрѣхи* или *со стрѣхъ*, т. е. съ кровли; *подставиць подъ стрѣху якую-нибудь посудзину*, напр. для собиранія дождевой воды; *тую* или *другую стрѣху* *снесло бурею*, *вихромъ*, т. е. часть, одну какую-нибудь сторону кровли. Но если берется «вся кровля», тогда употребительнѣе слово «крыша» или «крышка».

Шата. Это слово встрѣчается въ лѣтописяхъ, гдѣ, по Акад. Словарю 1847 года, означаетъ: «верхняя одежда, мантия, плащъ». «Долженъ быти противу послу изыти пѣшо, на милю, безъ шаты»¹⁾. Въ Бѣлорусск. нарѣчій также употребительно слово «шата», но означаетъ тамъ не «одежда верхняя», а *нарядная*. Бѣлоруссы говорятъ напр. «носи што-нибудь, шатъ мнѣ тобѣ не купиць». Въ этомъ же смыслѣ *шатою* называется въ Бѣлоруссіи «окладъ у иконы», «рыза»: *шата серебряная, золотая* (слово «шата» не надобно смѣшивать съ словомъ «цата» или, въ старину, «цята», имѣющимъ другое значеніе).

Шибати означаетъ, въ памятникахъ стариннаго Русскаго языка, «бросать», «кидать». «Ови же стрѣлами стрѣляху, ови же каменіе шibaху нань»²⁾. Въ Бѣлорус. нарѣчій это слово употребительно также въ значеніи «бросать». Произведенное отъ него *шибиница* равносильно слову «висилица».

«Не хопайся впередъ бацьки на шибиницу»³⁾.

Ци, вопросительная частица, свойственная Бѣлорусскому нарѣчію, встрѣчается также въ старинномъ

¹⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. II, 364. (Акад. Слов. 1847).

²⁾ Соф. Спис. Рус. Лѣт. 316. (Акад. Слов. 1847).

³⁾ Бѣлорус. поговорка; означаетъ: «не суйся не въ свое дѣло.»

Русскомъ языкѣ въ значеніи *ли*. »Ци аще случится проказа нѣкака отъ Грекъ . . . , да не имать власти казнити я«¹⁾. »Мы есмы *ци* не Князи же«²⁾)?

»Добрывчирь вамъ, *ци* рады вы намъ«.

»Ци сову обь пень *ци* пнемъ сову — всё совѣ лихо«³⁾.

Каждый языкъ, какъ бы самостоятельно ни было его развитіе, заключаетъ въ себѣ большую или меньшую долю словъ иностранныхъ, заимствованныхъ народомъ, коему онъ служитъ органомъ, у народовъ сосѣдственныхъ. Такъ и Русскій языкъ, заслуживающій по справедливости названіе *самостоятельнаго*, содержитъ въ себѣ, между прочими иностранными словами, также значительную долю словъ Западно-Европейскихъ языковъ, которыя зашли въ него въ слѣдствіе введенія въ Россіи наукъ, художествъ, построенія флота, учрежденія регулярнаго войска, словомъ: въ слѣдствіе усвоенія Русскими жизни европейской; и чѣмъ болѣе какой-нибудь классъ Русскаго народа усвоилъ себѣ условій этой жизни, тѣмъ болѣе въ говорѣ его слышится и словъ выше-упомянутыхъ языковъ. Это однакожъ почти нисколько не относится къ языку простаго Русскаго народа, чуждаго всякаго заимствованія и весьма мало уклонившагося отъ образа жизни своихъ предковъ: — языкъ Русскаго простолюдина представляетъ все еще тѣ самыя начала, изъ которыхъ нѣкогда сложилось и развилось Русское Слово, и тѣмъ чище отъ вліянія иноземнаго, чѣмъ глубже въ страну. Совершенная чистота рѣчи проявляется впрочемъ только въ Великорусскомъ народномъ языкѣ,

1) Договоръ Игоря съ Греками. Ис. Рус. народа.

2) И. Г. Р. III, пр. 69.

3) Бѣлорус. поговорки.

и то не во всѣхъ его оттѣнкахъ; чтожь касается до Бѣлорусскаго нарѣчія, то въ немъ, какъ упомянуто мною выше, заключается, въ значительной мѣрѣ, элементъ языка Польскаго. Этотъ элементъ есть однакожь не слѣдствіе заимствованія Бѣлоруссами у Поляковъ искусствъ или ремесль, это также не термины науки или образованія, но — *отпечатокъ, слѣды* долготлѣтнаго владычества Рѣчи Посполитой надъ Бѣлоруссією: онъ проникъ во всѣ условія общественной жизни Бѣлоруссовъ и имъ выражаются необходимѣйшіе предметы домашняго ихъ быта. Слѣдующія слова Бѣлорусскаго нарѣчія, приводимыя мною для примѣра, ясно покажутъ, какое мѣсто занимаетъ элементъ языка Польскаго въ этомъ нарѣчіи. Замѣчательно однакожь, что Русскій человекъ не принялъ многія слова Польскія, какъ ему чуждыя, въ такомъ видѣ, какъ они употребляются въ говорѣ Поляковъ, но передѣлалъ ихъ на свой *Русскій ладъ*, далъ имъ также *свое удареніе*.

<i>агрестъ</i> , крыжевникъ, поль. <i>agrest</i> .	<i>жартовѣць</i> , шутить, — <i>zartować</i> .
<i>брѣиць</i> , шалить, — <i>broić</i> .	<i>журавіна</i> , клюква, — <i>zórawina</i> .
<i>бѣвицься</i> , медлить, — <i>bawieć się</i> .	<i>звонъ</i> , колоколь, — <i>dzwon</i> .
<i>вѣжиць</i> , вѣсить, — <i>ważyć</i> .	<i>збѣзже</i> , хлѣба, — <i>zboże</i> .
<i>вызволѣць</i> , освобождать, — <i>wyzwolać</i> .	<i>злѣдзій</i> , воръ, — <i>złodziej</i> .
<i>гѣнки</i> , <i>нокъ</i> , крыльцо, — <i>ganek</i> .	<i>завѣса</i> , петля у дверей, оконъ и пр. — <i>zawiasa</i> .
<i>голіць</i> , брить, — <i>golić</i> .	<i>кнотъ</i> , свѣтильня въ ламнадѣ или свѣчѣ, — <i>knot</i> .
<i>гу'зикъ</i> , пуговица, — <i>guzik</i> .	<i>ковѣлекъ</i> , кусокъ, — <i>kowalek</i> .
<i>дѣсиць</i> , довольно, — <i>dosyć</i> .	<i>казѣць</i> , говорить, — <i>казаć</i> .
<i>дзѣцініцься</i> , ребячиться, — <i>dziecinieć się</i> .	<i>каву'нъ</i> , арбузъ, — <i>kawón</i> .
<i>дѣбре</i> , хорошо, — <i>dobrze</i> .	<i>кишеня</i> , карманъ, — <i>kieszon</i> .
<i>дзю'бка</i> , клювъ, — <i>dziub</i> .	<i>кравѣць</i> , портной, — <i>krawieć</i> .
<i>дрѣбный</i> , мелкій, — <i>drobny</i> .	<i>крѣква</i> , стропила, — <i>krokwa</i> .

<i>крыніца</i> , источникъ, — krynica.	<i>рѣбиць</i> , дѣлать, — robić.
<i>лазня</i> , баня, — łaźnia.	<i>слу́хаць</i> , слушать, — 'słuchać.
<i>личіць</i> , считатьъ, — liczyć.	<i>справа</i> , дѣло, — sprawa.
<i>ланцугъ</i> , цѣпь (железная), — łańcuch.	<i>трѣха</i> , <i>трѣшка</i> , немного, не- множко, — trocha, troszka.
<i>нась'нѣ</i> , сѣмена, — nasienie.	<i>трѣба</i> , надобно, — trzeba.
<i>нихай</i> , пусть, — niechaj.	<i>тымчасомъ</i> , между тѣмъ, — tymczasem.
<i>нѣма</i> , <i>нѣмашь</i> , нѣтъ, — niema, niemasz.	<i>укрѣпъ</i> , кипятилокъ, — ukrop.
<i>обитце</i> , обои, — obicia.	<i>футро</i> , мѣхъ, — futro.
<i>ошукать</i> , обмануть, — oszukać.	<i>холя'ва</i> , голенище, — cholewa.
<i>панчоха</i> , чулокъ, — pończocha.	<i>хата</i> , изба, — chate.
<i>пѣкло</i> , адъ, — piekło.	<i>хлѣпецъ</i> , мальчикъ, — chłopiec.
<i>пилновать</i> , стеречь, — pilnować.	<i>хмара</i> , туча, — chmara.
<i>поты'лица</i> , затылокъ, — poty- lica.	<i>ховать</i> , скрывать, хоронить, — chować.
<i>парканы</i> , заборъ, — parkan.	<i>хопать</i> , хватать, — chopać.
<i>праца</i> , <i>працовать</i> , трудъ, тру- диться, — praca, pracować.	<i>хвороба</i> , болѣзнь, — choroba.
<i>помыли'ться</i> , ошибиться, — po- mylić się.	<i>чарка</i> , рюмка, — czarka.
<i>ручникъ</i> , полотенце, — ręcznik.	<i>череви'къ</i> , башмакъ, — trzewik.
<i>рѣзникъ</i> , <i>рѣзница</i> , мясникъ, мясная лавка, — rzeźnik, rzeźnica.	<i>чуць</i> , слышать, — czuć.
	<i>шукать</i> , искать, — szukać.
	<i>шалѣный</i> , бѣшенный, — szalony.
	<i>шляхъ</i> , столбовая дорога, — szlak. и т. д. и т. д. ¹⁾

¹⁾ Кто знаетъ, какъ обширно. еще въ наше время, употребле-
ніе Польскаго языка въ Бѣлоруссіи (я не говорю уже о
временахъ прошедшихъ, когда тамъ господствовала Рѣчь По-
сполитая), тотъ согласится, что едвали я ошибаюсь, если
выше приведенныя слова признаю *зашедшими* въ Бѣлорус.
нарѣчіе изъ языка Польскаго, но не *сходными издревле* съ сло-
вами польскими. Слушая ежедневно чуждый языкъ, конечно
намъ сколько-нибудь понятный, мы невольно заимствуемъ
изъ него слова и обороты въ нашъ говоръ. Дѣло другое про-
изношеніе: оно измѣняется не такъ легко, и по немъ мы
узнаемъ напр. Маморусса, Нѣмца и пр., хотя бы онъ совер-
шенно правильно говорилъ Великорусскимъ языкомъ.

Вліяніе Польскаго языка на Бѣлорусское нарѣчіе не ограничилось впрочемъ сообщеніемъ послѣдному множества Польскихъ словъ, употребительнѣйшихъ въ общезитіи; въ говорѣ Бѣлоруссовъ слышится также немало оборотовъ Польской рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ: *не мѣю на то часу*, *nie mam na to czasu*; *зазираць носъ въ гору*, *nos zadzierać w górę* (гордиться), *загнаць въ козій рогъ*, *wsadzić w kozii rog* (по-рус. заткнуть за поясъ); «помниць на кого-нибудь» (вмѣсто *о комъ н.*), *romnieć na kogo*; *смѣяться зъ кого*, *z czego* (вмѣсто *надъ кѣмъ, чему*), *smiać się z kogo, z czego*; и т. д. Предлогъ *изъ* замѣнился, во многихъ случаяхъ, польскимъ *z*; такъ напр. Бѣлоруссы говорятъ: «кубокъ зъ золота», *kubek z złota*; «строиць дворъ зъ цеглы», *stroić dom z cegły*; «пріѣхавъ зъ Быхова», *przyjechał z Bychowa*; «выйци зъ моды», *wyjsc z mody* и пр.

Нѣкоторые полагають, что Бѣлорусское нарѣчіе составилось изъ словъ и оборотовъ Славянскихъ, Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ¹⁾. Изъ Славянскихъ, Русскихъ и Польскихъ — такъ; но какимъ образомъ могли зайти въ Бѣлорусское нарѣчіе слова и обороты Латинскіе, когда Бѣлоруссы никогда не имѣли ничего общаго съ Латинскимъ языкомъ? Латинскій языкъ, будучи органомъ Римской вѣры, принятой Поляками уже въ X столѣтіи, имѣлъ большое вліяніе на развитіе языка Польскаго; это вліяніе увеличивалось еще болѣе отъ того, что въ старину Латинскимъ языкомъ говорили въ образованныхъ польскихъ кругахъ и на немъ производилась гражданская письменность въ

¹⁾ Смотр. между прочимъ » Умозр. и опыт. основ. Словесности«. А. Глаголева. II, стр. 4.

Польшѣ, а въ послѣдствіи и въ западныхъ Русскихъ областяхъ, подпавшихъ подъ ея власть; но для Русскихъ обитателей этихъ областей, презираемыхъ и погрязшихъ въ невѣжество, онъ былъ недоступенъ, непонятенъ, и потому не могъ имѣть на языкъ ихъ никакого вліянія, тѣмъ болѣе, что даже въ церквахъ уніятскихъ, которыхъ, въ западныхъ Русскихъ областяхъ, было гораздо болѣе, чѣмъ православныхъ, удержался при богослуженіи, хотя и искаженный полонизмами, Церковно-Славянскій языкъ. По этому, если *что-нибудь* и могло перейти изъ Латинскаго языка въ народное Бѣлорусское нарѣчіе, то только *чрезъ* языкъ Польскій, какъ болѣе понятный Русскимъ, и имѣвшій на Русскій языкъ заднѣпровскихъ областей вообще большое вліяніе. Такъ мы въ самомъ дѣлѣ находимъ въ Бѣлорусскомъ нарѣчій слова *латинскаго происхожденія*, но видимо перешедшія туда изъ языка Польскаго; напр. *оцетъ*, уксусъ, по-поль. *oset*, по-лат. *acetum*; *скрыня*, сундукъ, по-поль. *skrzynia*, по-лат. *scrinium*; *окуляры*, ъ, очки, по-поль. *okulary*, по-лат. *oculare, vitrum*; *импетъ*, сила, взрывъ, по-поль. *impret*, по-лат. *impetus*; *муръ*, каменное зданіе, каменная стѣна; по-поль. *mur*, по-лат. *murus*; отсюда: *мурованый*, каменный; *муршикъ*, каменщикъ¹⁾. Словъ такихъ въ Бѣлорусскомъ нарѣчій впрочемъ весьма немного.

Или, если станемъ утверждать, что Бѣлорус. нарѣчіе сложилось *частію изъ словъ Латинскихъ*, то

¹⁾ Впрочемъ слово *скрыня* употреблялось также и въ старинномъ Русскомъ языкѣ. См. «Домаш. бытъ Рус. Царей.» Заб. Отеч. Запис. 1851 №. 9. Слово *оцетъ* могло перейти и изъ св. писанія, гдѣ оно также встрѣчается. «Егда же пріять *оцетъ* Исусъ, рече: совершишася». Іоан. XIX. 30.

надобно прибавить также: и изъ словъ Французскихъ ¹⁾ и Нѣмецкихъ; потому что въ Бѣлорускомъ нарѣчїи встрѣчаются тѣ и другія, особенно же много въ немъ словъ Нѣмецкихъ. Извѣстно, что въ Польскій языкъ, съ поселеніемъ въ Польшу, съ начала XIV столѣтія, Нѣмецкихъ колонистовъ и ремесленниковъ, стало входить много Нѣмецкихъ словъ, особенно же касающихся искусствъ и промышленности; немало Нѣмецкихъ словъ могли занести въ Польскій языкъ также жиды, удалившіеся, въ разныя времена, въ Польшу изъ Германїи, гдѣ они претерпѣвали, уже съ самого начала Крестовыхъ походовъ, сильныя гоненія. Вытѣснивъ коренныя Польскія, Нѣмецкія слова прїобрѣли въ Польскомъ языкѣ право гражданства, а изъ Польскаго языка перешли, частію, и въ Бѣлорусское народное нарѣчіе. Вотъ нѣсколько такихъ словъ.

бу́да, *бу́дка*, лавка; по-поль. buda; по-нѣм. Bude ²⁾.
гандлевáць, торговать; по-поль. handliować; по-нѣм. handeln.
гвалтъ, насиліе; по-поль. gwałt; по-нѣм. Gewalt; *полу-
чиць гвалтемъ*, получить насиліемъ; *гвалтъ!* караулъ!
дротъ, проволока; по-поль. drot; по-нѣм. Drath.
каплі́ца, часовня; по-поль. kaplica; по-нѣм. Kapelle.
ка́хля, изразецъ; по-поль. kafel; по-нѣм. Kachel.
кля́мка, защелка у дверей; по-поль. klamka; по-нѣм. Klinkfe.

¹⁾ Вотъ нѣсколько словъ Французскихъ, зашедшихъ въ Бѣлорус. нарѣчіе изъ языка Польскаго: *фу́зил*, ружье; по-поль. fusya; по-фр. le fusil; *бóты*, сапоги; по-поль. boty; по-фр. les bottes; *рештъ*, остатокъ; по-поль. reszt, по-фр. le reste; *компáнїя*, общество; по-поль. kompania; по-фр. la compagnie; *выпиць за компанїю*, знач. выпить въ удовольствїе компанїи, и т. д.

²⁾ Слово *будá* встрѣчается и въ памятникахъ стариннаго Рус. языка, но тамъ оно означаетъ «склепъ». «Отомкните божницу, да отпою надъ нимъ; вложимъ и въ *буду*, любо си во гробъ». И. Г. Р. III, пр. 23.

коштъ, счетъ, издержки; по-поль. *koszt*; по-нѣм. *Kosten*.

»Содержащъ кого *на своёмъ кошцѣ*; обучающъся *на казенный коштъ*. »Оттуда: *коштовѣць*, стоять; по-поль. *kosztować*; по-нѣм. *kosten*.

кушнѣръ, скорнякъ; по-поль. *kuśnierz*; по-нѣм. *Kürschner*.

лихтарь, подсвѣчникъ; по-поль. *lichtarz*; по-нѣм. *Leuchter*.

моргъ, по-поль. *mog*; по-нѣм. *Morgen*, извѣстный участокъ земли. Въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи словомъ »моргъ« называется только *извѣстный участокъ сѣнокосныхъ луговъ*. Оттуда: »продаваць, косиць *морги*«, т. е. сѣнокосные луга.

потрафѣиць, попасть; по-поль. *potrafić*; по-нѣм. *treffen*.

ретовѣць, спасать, помогать; по-поль. *ratować*; по-нѣм. *retten*. *Ретуи! ретуице!* кричатъ Бѣлоруссы въ несчастныхъ случаяхъ.

розѣнки, покъ, изюмъ; по-поль. *rozinek*; по-нѣм. *Reifen*.

фарба, краска; по-поль. *farba*; по-нѣм. *Farbe*.

фортка, калитка; по-поль. *fortka*; по-нѣм. *Pforte*.

фѣга, винная ягода; по-поль. *figa*; по-нѣм. *Feige*.

цѣгла, кирпичъ; по-поль. *cegla*; по-нѣм. *Ziegel*.

шѣли, вѣсы; по-поль. *chali*; по-нѣм. *Schale (die Waage)*.

швагеръ, зять: мужъ сестры; по-поль. *szwagier*; по-нѣм.

Schwager; зятемъ же Бѣлоруссїи называется только »мужъ дочери«.

шѣбка, оконное стекло; по-поль. *scyba*; по-нѣм. *Scheibe*,

и т. д., и т. д.

Но состоя, какъ мы видѣли, изъ столь разнородныхъ элементовъ, Бѣлорусское нарѣчїе заключаетъ въ себѣ также свои особенныя слова, образовавшіяся въ слѣдствїе его мѣстнаго развитїя. При судьбѣ, которую испытала Бѣлоруссїя подѣ владычествомъ Рѣчи Посполитой, мѣстное развитїе Бѣлорусскаго нарѣчїя было вообще слабо и не могло принять самостоятельнаго направленїя; потому-то главнѣйшїй характеръ особенныхъ словъ Бѣлорусскаго нарѣчїя состоитъ въ измѣненїи формы или значенїя словъ Русскихъ, Цер-

ковно-Славянскихъ и Польскихъ; словъ самобытныхъ, возникшихъ въ говорѣ народа, вообще не очень много, по крайней мѣрѣ не столько, чтобъ они могли придать ему *особенный характеръ*. Вотъ нѣсколько словъ Бѣлорусскаго нарѣчія, которыя или вовсе не встрѣчаются въ языкахъ Великорусскомъ, Церковно-Славянскомъ и Польскомъ, или встрѣчаются тамъ въ другомъ значеніи, съ другою формою.

било, колокольный языкъ (такъ называлась въ старину метал. или деревянная доска, употреблявшаяся вмѣсто колокола; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ «било» употребляется и по нынѣ).

букѡнка, ставень.

бриль, шляпа.

брехѡць, лаять; лгать.

вѡля, зобъ у людей (болѣзнь) и птиць.

волоцу́га, бродяга (отъ волочиться, бродить).

горѣлка, водка.

гарбу́зъ, тыква.

гапликъ, крючекъ у платья.

гонцѣръ, горшечникъ.

гѣкъ, кувшинъ.

дубѣць, пруть (дубина, толстая палка, дубецъ — тонкая, пруть).

дядина, жена дяди, тетка.

жмѣня, горсть (отъ *жати*, жму).

закхю́ пацьсл, замараться, забрызгаться.

крѣли, корольки.

крѣски, цвѣты.

коць, коверъ (въ старину это слово означало «верхняя одежда». «Съима съ себе коць и врьже къ нимъ». И. Г. Р. IV. пр. 43. Въ Поль. я. оно означ. «полость, подстилка»).

лѣтьсь, въ прошломъ году (отъ Цер. Слав. слова «лѣто», годъ).

мѣсто, рынокъ.

пѣвень, пѣтухъ.

пу́ня, хлѣвъ.

прѣтолка, косякъ у дверей.

пу́га, плеть (отъ *пугать*).

ску́ла, чирей.

старецъ, нищій.

су́дникъ, шкапъ для съѣстныхъ припасовъ (отъ словъ: «судно», «посудина»).

ска́бка, заноза.

<i>слухмя́ный</i> , послушный.	Печер. монастыря И. Г.
<i>сунѣцы</i> , ть, земляника.	Р. III. пр. 74).
<i>сто́ль</i> , и, потолокъ.	<i>тхорь</i> , хорекъ.
<i>тря́сца</i> , лихорадка (отъ трясти).	<i>ховту́ры</i> , ть, похороны (отъ Польш. слова <i>shować</i> , хоронить).
<i>трѣска</i> , щепа (это слово встрѣчается въ памятникахъ стариннаго Русскаго языка въ смыслъ: «коль». «Аще бы ми трескою торчати за враты	<i>целѣ</i> , огонь.
	<i>чубъ</i> , хохоль.
	<i>шагъ</i> , грошъ.
	и т. д., и т. д. ¹⁾).

Заключу мои «Замѣтки» выводомъ изъ всего выше-сказаннаго мною о Бѣлорусскомъ нарѣчїи.

Бѣлорусское нарѣчїе отличается отъ Великорусскаго языка болѣе всего произношенїемъ, которое имѣетъ свой особенный, можно сказать *самостоятельный характеръ*.

По грамматическимъ формамъ оно совершенно сходно съ Великорусскимъ нарѣчїемъ; уклоненїй есть немного, да и то болѣею частїю только отъ грамматическихъ формъ образованнаго Русскаго языка.

Въ немъ замѣтно присутствїе элементовъ Церковно-Славянскаго языка въ болѣеи мѣрѣ, чѣмъ въ Великорусскомъ нарѣчїи; но эти элементы, равно какъ и остатки старины, находящїеся въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи, суть не что иное, какъ слѣдствїе

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ словъ принадлежать также и языку Малорусскому. Но можно ли сказать, что они переѣли *оттуда* въ Бѣлорусское нарѣчїе. Едва ли. Скорѣе можно назвать ихъ *общими*, образовавшимися во время общей судьбы Бѣлоруссїи и Малороссїи — владычества надъ ними Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ и многія выше приведенныя слова Польскаго языка, перешедшія въ Бѣлорусское нарѣчїе, слышатся также и въ говорѣ Малоруссовъ; каковы напр. *гѣнки*, *кнотъ*, *дббре*, *зббзже*, *дротъ*, *зло дзїй* и пр.

медленнаго его развитія, которому причиною было вліяніе на него языка Польскаго.

Элементъ языка Польскаго, заключающійся въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи, составляетъ особенную черту его характера; этотъ элементъ есть однакожь *пришлый, случайный*, и присутствіе его тамъ доказываетъ ту неоспоримую истину, что *языкъ* не только выражаетъ, самымъ точнымъ образомъ, отличительный характеръ народа, но можетъ на себѣ носить также отпечатокъ политическихъ переворотовъ страны, извѣстнымъ народомъ обитаемой.

Вліяніе языка Польскаго на Бѣлорусское нарѣчїе обнаружилось преимущественно въ стихійномъ составѣ послѣдняго.

Мнѣніе то не совсѣмъ точно, что Бѣлорусское нарѣчїе сложилось *частію изъ словъ Латинскихъ*: въ немъ есть также слова Французскія и Нѣмецкія; но всѣ эти слова Западно-Европейскихъ языковъ суть не что иное, какъ составныя начала языка Польскаго, отразившагося въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи.

Наконецъ, Бѣлорусское нарѣчїе имѣетъ, въ своемъ произношенїи и стихійномъ своемъ составѣ, большое сходство съ языкомъ Малорусскимъ. Это сходство между ними есть частію первобытное, какъ между родственными языками, а частію случайное, происшедшее въ слѣдствїе одинаковой судьбы Бѣлоруссіи и Малороссїи — владычества надъ ними Рѣчи Посполитой.

Федоръ Голотузовъ.